

ДАНИИЛ МОРДОВЦЕВ

ГОВОР КАМНЕЙ. ИРОД
(СБОРНИК)

Даниил Мордовцев

Говор камней. Ирод (сборник)

«Public Domain»

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

Мордовцев Д. Л.

Говор камней. Ирод (сборник) / Д. Л. Мордовцев — «Public Domain»,

ISBN 978-5-486-03766-5

Творчество писателя и историка Даниила Лукича Мордовцева (1830—1905) обширно и разнообразно. Его многочисленные исторические сочинения, как художественные, так и документальные, всегда с большим интересом воспринимались современным читателем, неоднократно переиздавались и переводились на многие языки. В данный том вошел сборник рассказов «Говор камней», повествующий о жизни правителей Древнего Египта, и роман «Ирод» — о евангельском царе Ироде Великом, который пытался изменить ход истории человечества и уничтожить родившегося в Вифлееме Спасителя, на поклонение которому спешили волхвы. Практически все действие романа разворачивается в Египте, где в это время юная дочь последнего фараона Птолемея Авлета, прекрасная Клеопатра, получает венец Верхнего и Нижнего Египта из рук «завоевателя вселенной», непобедимого римлянина Юлия Цезаря.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-486-03766-5

© Мордовцев Д. Л.
© Public Domain

Содержание

Говор камней	6
Предисловие	6
I	8
II	11
III	15
IV	21
V	25
VI	29
VII	33
VIII	37
IX	42
X	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Даниил Лукич Мордовцев
Говор камней
Ирод

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2011

© ООО «РИЦ Литература», 2011

* * *

Говор камней

Предисловие

В мае 1881 года, в бытность мою в Египте, посетив за Каиром, по ту сторону Нила, знаменитое «поле пирамид» и развалины Мемфиса, я взошел на высочайшую из всех пирамид – на пирамиду Хеопса. Пораженный открывшейся очарованным глазам моим изумительной картиной, которая, тоже с вершины пирамиды Хеопса, поражала когда-то очарованные взоры Геродота и Плиния, а потом, гораздо позднее, Наполеона, начертавшего там свое историческое имя, – я невольно вспомнил прелестные стихи поэта:

Серой гремучей змеею,
Бесконечные кольца влача через ил,
В тростниках густолиственных тянется Нил;
Города многочисленной семьею
Улеглись на злчных его берегах;
Блещут синие воды Мерида;
Пирамида, еще пирамида,
И еще, и еще... на широких стопах
Опершись, поднялись высоко;
Обелисков идет непрерывная цепь;
Полногрудые сфинксы раскинулись, в степь
Устремляя гранитное око...

Но не то предстало теперь моим изумленным очам. Правда, я видел Нил, серой змеей извивавшийся вдоль уступов Мокаттама; видел пирамиды, много пирамид, видел гигантский, полузанесенный сыпучими песками Сахары массив «Великого Сфинкса»; но обелисков уже не видел – то, что пощадило время, расхитили алчность и наука: первая – для наживы и тщеславия, последняя – чтоб сберечь от всепожирающего Хроноса.

Около меня на квадратной площадке Хеопса полукругом сидели босоногие арабы – мои проводники и мучители. Заметив мое молчание, молчали и они, не понимая смутной тревоги, которая отражалась на моем лице при виде великой исторической могилы, какую представляет собою «поле пирамид», в особенности же то, что называют развалинами Мемфиса.

Я раскрыл свою записную книжку, и глаза мои остановились на выписках из «Истории фараонов» Бругша-бея.

«Ныне от многославимого города, – читал я, – остались только груды развалин разбитых колонн, жертвенных камней и скульптур, некогда принадлежавших святилищам Мемфиса, да еще ряды далеко тянувшихся курганов с обломками, из которых, как привидения, выглядывают на свет божий разрушенные палаты и комнаты бывших жилых строений.

Кто отправляется в Мемфис с надеждой увидеть местность, которой развалины сами по себе достойны той славы, которой пользовался знаменитый мировой город на берегах Нила, – говорит далее Бругш-бей, – тот жестоко будет разочарован взглядом на незначительные остатки старины. Только умственный взор может вызвать из прошедшего Мемфис во всем его величии и великолепии, и, только имея это в виду, можно предпринимать поездку, которую можно назвать паломнической, к гробницам древней царской столицы, к тому месту, где некогда возвышалось знаменитое святилище божественного зодчего вселенной – Пта, где ныне

пальмовый лес и обширное, феллахами обрабатываемое поле вблизи арабского селения Мит-Рахине».

Моя поездка в Египет была тем же «паломничеством» – паломничеством к гробницам чудес дивной страны фараонов.

Созерцая «поле пирамид» с высоты Хеопса, я прочел и выписку из Абдул-Латифа, арабского врача, посетившего развалины Мемфиса в XIII веке. Не те тогда были эти развалины!

«Несмотря на значительное пространство, занимаемое этим городом, – говорит умный араб, – и несмотря на высокую древность его, несмотря на менявшиеся формы разных владычеств, под игом которых эти формы должны были гнуться в течение времен, и хотя самые разнообразные народы употребляли все возможное, чтобы уничтожить город до основания, стирая всякие следы прошедшего, уничтожая всякие малейшие остатки, растаскивая камни и части зданий, разрушая строения и разбивая изображения, их украшающие, несмотря, наконец, на работу самого времени, понемногу уничтожавшего город в течение четырех тысяч лет, несмотря, говорим мы, на множество причин, способствовавших разрушению, – развалины Мемфиса представляют, однако, глазам наблюдателя соединение таких чудных произведений искусства, которые приводят ум в смущение и для описания которых самый красноречивый человек не находит слов. Чем более на город этот смотришь, тем более растет удивление, и всякий новый взгляд, брошенный на его остатки, все более и более заставляет приходить в восхищение. Только что он вызовет новое представление в душе на него смотрящего, как новое сильное впечатление овладевает зрителем, и едва только начинаешь думать, что ознакомился совершенно с ним, как начинаешь в ту же минуту чувствовать, что то, что узнал, далеко не соответствует истине».

Все, что я успел прочитать о Египте перед отправлением в эту страну чудодейственного Нила, в страну пирамид, сфинксов и обелисков, все, что впитала в себя моя память почти с детских лет о фараонах и их деяниях, о многолюдных, стовратных городах, существовавших уже тогда, когда не было на земле не только Афин, Спарты и Рима, но даже Трои и Вавилона, – все это, казалось, вставало теперь в моем возбужденном воображении и подавляло одним лишь представлением о такой изумительной древности, о которой не подозревал даже тот, кто оставил нам сказание о сотворении мира и о дальнейших судьбах земли и ее обитателей.

Вот из истории этой-то страны чудес и будут следовать мои рассказы, в которых я не стану держаться хронологического порядка, а буду излагать их так, как они возникали в моей памяти и в моем воображении, напитанном дивной историей пирамид. История Египта – вся на камнях: испещренные иероглифами стены храмов, пирамиды, обелиски, стелы (каменные плиты – памятные камни), саркофаги, гробницы, сфинксы, начертания на скалах – только они и говорят о прошлом Египта, да немного – папирусы. Оттого я и назвал свои египетские рассказы «Говор камней».

Таким образом, первый мой рассказ будет относиться ко времени построения пирамиды Хеопса, на которой я возбужденно переживал прошедшую жизнь страны фараонов ранним утром 20 мая 1881 года, то есть я расскажу на первый раз то, что случилось в Мемфисе за 6029 лет до наших дней.

Глубокая древность – сколько в ней чарующей прелести!

I

Дочь фараона Хеопса

Фараон Хеопс, первый царь из IV династии владык страны Нила, в сопровождении блестящей свиты и придворных стрелков, ехал на своей боевой колеснице от Долины газелей, где он охотился на этих быстроногих животных, а теперь, после удачной охоты, возвращался в свою столицу. Солнце клонилось к закату, отбрасывая длинные тени от гигантских пальм, живописными группами раскинувшихся по долине Нила, и играя на гладко полированных гранях стройных, красивых обелисков, высившихся из-за белых стен Мемфиса. Влево, точно молчаливые стражи на рубеже песчаной пустыни, выступали остроконечные вершины пирамид предшественников Хеопса – фараонов Ноферкара, Сеноферу и других царей III династии. В свежем воздухе, высоко в небе, кружась спиралью, перекликались орлы, как бы сверля неподвижный воздух пустыни жалобным металлическим клетотом.

Рядом с колесницей Хеопса ехала на своей легкой, из слоновой кости и золота, колеснице юная, любимейшая дочка фараона, царевна Хент-Сен. Это была прелестная двенадцатилетняя девочка, которая, несмотря на свой нежный возраст, участвовала в воинских развлечениях отца и своею маленькой ручкой, вооруженной легким боевым копьем, наносила неизбежную смерть грациозным обитательницам пустыни, тонконогим газелям. Смуглое, миловидное личико ее имело нежные очертания совершенно еще детского возраста, и только большие, с длинным разрезом глаза своею недетскою задумчивостью напоминали глаза сфинкса с их неразгаданным выражением.

Обок с Хеопсом, несколько отступая, следовал за фараоном его ближайший царедворец в звании «мура», или строителя пирамид, по имени Памау, и другие, низшие придворные сановники, а за ними – воины и стрелки с убитыми газелями.

По мере приближения к пирамидам слышались все более и более возгласы и окрики многотысячной толпы каменоломщиков и других рабочих, то подвозивших к строящейся пирамиде Хеопса громадные глыбы тесаного камня, то поднимавших их гигантскими блоками и другими приспособлениями на ту или другую грань будущей великой гробницы фараона.

– Хвала тебе, Памау! – вдруг произнес Хеопс, останавливая свою колесницу и любясь громадою высившейся впереди и далеко еще не оконченной пирамиды. – Мой дом – жилище вечного успокоения в царстве Озириса – уже и теперь величием своим превосходит пирамиды моих предшественников, фараонов Ноферкара и Сеноферу. А я еще здоров, силен и духом и телом и надеюсь, что великий Озирис еще не скоро призовет меня в обитель вечного успокоения, и моя пирамида превзойдет величием все доселе воздвигнутые загробные жилища фараонов.

Известно, что каждый фараон, едва только вступал на престол, тотчас отдавал приказание о заложении ему будущей усыпальницы. «По старому обычаю, – говорит историк фараонов, – египтянин еще в полном здоровье и силе привыкал мыслью следить за стройным движением бога Ра – солнца, подымающегося на востоке и ежедневно спускающегося на западе во мрак ночи, там, где открывалась, по понятию египтян, дверь смерти и где должен был покоиться труп, долженствовавший ожидать, после долгих лет, восстания к новой жизни, между тем как душа, – правда, привязанная к телу, – имела, однако, свободу днем, под желаемую ею форму, выходить из гроба и снова входить в него. С такими верованиями соединен был обычай готовить свою посмертную усыпальницу заблаговременно...» Поэтому, чем дольше жил фараон, тем более и более могла расти его пирамида. На это и намекнул Хеопс своему «муру» Памау при виде своей пирамиды.

– О непобедимый сын Горуса! – почтительно отвечал Памау, высокий загорелый египтянин со страусовым опахалом в руке, знаком самого высокого сана. – Моя преданность твоему

святейшеству так беспредельна, как твои владения, и я не пощажу своей жизни, чтобы воздвигнуть тебе обитель упокоения такой высоты, как само небо, чтобы мог ты с вершины твоей пирамиды обозревать все твои владения и подавать твою царственную руку самому Амону-Ра, вечно живущему.

Глаза Хеопса сверкнули гордым довольством.

– Твое усердие, Памау, – твоё благополучие, – сказал он после минутного раздумья, – как возвысишь ты мою пирамиду, так возвышу тебя я перед людьми. Вот мое сокровище, – он указал на Хент-Сен, – это не распустившийся еще цветок лотоса... Когда он распустится – я отдам его тебе в жены. Хоть она годится быть тебе внучкой, но созревший лотос – для всех лотос: и для юношей, и для старцев.

При этих словах отца миловидное личико юной царевны, несмотря на свою смуглость, заметно побледнело.

Побледнело и другое молодое смуглое лицо, глянувшее на Хент-Сен из-за Хеопса. То был красавец Нутеру, сын фараонова виночерпия и адона – соправителя страны. Находясь при дворе Хеопса, Нутеру еще в юности носил на руках маленькую Хент-Сен, и по мере того как девочка подрастала, все более и более привязывался к ней и сближался, а когда Хент-Сен подросла, чувство его к ней превратилось в пламенную страсть, какую только может влить в кровь египтянина африканское солнце. Со своей стороны, Хент-Сен, несмотря на свои двенадцать лет, уже чувствовала в крови своей бога Ра – пламенное солнце Египта. Она любила Нутеру. Она помнила ночь, когда при ярком блеске безумных звезд она сама обезумела в объятиях Нутеру и именем богини Гатор – богини любви – поклялась принадлежать только ему.

Она взглянула теперь на Нутеру и встретила его полный отчаяния взгляд. В глазах девочки блеснула непоколебимая, недетская решимость. Эти прекрасные глаза сфинкса говорили: «Не бойся! Что я сказала в ту ночь – я исполню...»

Поощренный словами Хеопса, Памау, в надежде скоро породниться с фараоном и взять себе в жены прелестную малютку, на другой же день отдал приказание от имени царя: согнать в Мемфис все рабочее население Египта для продолжения постройки пирамиды своему повелителю. Он приказал даже запереть все храмы в стране, чтобы молитвы и жертвоприношения не отвлекали народ от этой поистине египетской работы.

И пирамида росла, подымаясь гигантским чудовищем на рубеже пустыни.

Прошло три года. Маленькой Хент-Сен минуло уже пятнадцать лет.

Желая похвалиться созданием своих рук и скорее достигнуть обладания прекрасной царевной, Памау пригласил Хеопса и весь его двор подняться на пирамиду, пока вершина ее еще не сведена на острие четырехгранного меча и пока на ней можно еще поместиться фараону и его приближенным.

– Там, о сын Горуса, ты подашь руку самому великому Амону-Ра, – закончил свою речь Памау.

При помощи искусных приспособлений из блоков и гигантских катушек, богато украшенная платформа с перилами, на которой поместился Хеопс, окруженный эрисами, носителями опахала фараона, и другими сановниками, была плавно поднята на вершину немного недостроенной пирамиды. Расположенные внизу пирамиды войска приветствовали, вместе с тысячами собравшегося народа, военной музыкой и восторженными криками это восхождение фараона на свою пирамиду – место будущего упокоения могущественного владыки Египта. Вместе с отцом поднялась на пирамиду и юная Хент-Сен. В свите фараона находился и красавец Нутеру.

Гордой радостью блеснули глаза Хеопса, когда под его ногами развернулась дивная панорама – панорама, которая в течение тысячелетий очаровывала и приводила в изумление тысячи

смельчаков, восходивших на пирамиду Хеопса, начиная от Геродота и Плиния и кончая Наполеоном.

– Да, Памау, – сказал Хеопс строителю пирамиды, – ты заслужил обещанную тебе награду... Вот моя любимейшая дочь: бери этот распустившийся цветок лотоса.

Не успел он это сказать, как Хент-Сен с криком бросилась в объятия Нутеру. Они мгновенно очутились на самом краю южной грани пирамиды. Ноги их стояли на ужасающей высоте.

– О всемогущая Гатор! – страстно воскликнула Хент-Сен. – Прими нас в твою священную обитель!..

С этими словами она и Нутеру разом ринулись вниз с этой ужасающей высоты.

Крики ужаса раздались на вершине пирамиды и у оснований всех ее четырех граней.

Несколько мгновений – и два трупа лежали рядом у южного ребра великой пирамиды.

Таким образом пирамида Хеопса, величайшая из всех пирамид, осталась недостроенною: вершина ее доселе виднеется как бы срезанною, и в таком виде она стоит по вычислениям египтолога Роескh'a вот уже 6029 лет.

Пораженный ужасной смертью любимой дочери, Хеопс приказал оставить свою пирамиду недостроенною. К этому побудили его советы жрецов.

– Ты, великий фараон, царь Верхнего и Нижнего Египта, в порыве гордости захотел сравняться с божеством, – сказал ему верховный жрец бога Пта, – и вот, едва ты простер смертную руку свою к недосыгаемому Амону-Ра, он поразил твое сердце – твое любимое дитя.

По истечении семидесяти дней плача над телом погибшей Хент-Сен, в продолжение которых приготавливали ее мумию и саркофаг, царевну похоронили в небольшой пирамиде, воздвигнутой рядом с пирамидою отца, у южного ребра этой последней, на том самом месте, где поднято было бездыханное тело юной самоубийцы. Пирамидка эта, полузанесенная песками, виднеется и теперь, а недалеко от нее, тоже засыпанные песками, открыты развалины небольшого храма Изиды. В развалинах этих открыта «стела» – доска, хранящаяся ныне в каирском музее, что в Булаке, по каталогу музея № 581, с иероглифическими начертаниями времен Хеопса. Я лично видел эту стелу. Начертанные на ней иероглифы в переводе нашего египтолога, Г. К. Властова (переводчика «Истории фараонов» Бругша-бея и его продолжателя), гласят:

«Живущий Горус, царь Верхнего и Нижнего Египта, Хуфу¹ живущий, восстановил храм Изиде, госпоже пирамиды. Храм этот поставлен близ места, где находится Великий Сфинкс, на северо-восток от храма Озириса, господина мест погребения. Он, Хуфу, выстроил свою пирамиду подле храма этой богини, и он же, Хуфу, воздвиг пирамиду царственной своей дочери Хент-Сен подле этого же храма. Он сделал это матери своей, Изиде, божественной матери Гатор, госпоже памятников».

Где, в каком из европейских музеев находится мумия бедненькой Хент-Сен – я не знаю. Но в каирском музее я ее не нашел.

---

¹ Хуфу – это и есть Хеопс по-египетски. – Д. М.

II Влюбленный жрец

Бродя с гидом в руках по Булакскому музею в Каире и переходя от тысячелетних саркофагов к таким же мумиям, от мумий к статуям, я невольно остановился перед одной статуей, которая приковала мое внимание не только своей художественной работой, но и выражением лица заинтересовавшего меня каменного фараона.

Отыскав по гиду соответствующий номер, я, к удивлению, узнал, что это статуя фараона Хефрена, пирамида которого, вторая из трех больших пирамид, возвышается рядом с пирамидой Хеопса, о которой была речь в первом моем рассказе.

Воротившись потом к себе в отель, я отыскал в книге Бругша-бея то, что меня интересовало.

Вот что я прочел там:

«Хафра, или Хефрен... Камни молчат о родстве его с предыдущими монархами (Хеопсом и его предшественниками). Пирамида этого царя называлась “урт”, то есть “великая”; она стоит вблизи пирамиды Хуфу (Хеопса). Хотя говор камней мало нам сообщает о времени Хафра, но память о нем сохраняется в замечательных творениях искусства его времени. За несколько лет перед этим, из волн песка, окружавших гигантскую фигуру сфинкса, появилось, к общему удивлению, то здание, которого древность, постройка и цель до сих пор остаются загадкой (загадка, как увидим ниже, теперь разгадана). Узкие проходы, потом широкие залы с массивными гранитными колоннами, далее – темные каморы, – все это выстроено из превосходно пригнанных и отшлифованных гигантских каменных масс пестрого суанского гранита и алебаstra, выкрашенного яркой желтой краской; а на углах – вытесанные геометрически верно угловые камни, пригнанные, как и все камни здания, с изумительной верностью; все это здание представляет везде прямые линии и прямые углы, – и нигде ни одного знака, ни одной надписи! – таковой является нам эта загадочная постройка... Кто был царь, повелевший строить это здание? Кто был мастер, начертивший план его? Откуда явились люди-великаны, отрывавшие от горы громадной величины камни, обтесывавшие их с изумительной точностью, перевозившие их с южной границы Египта вниз по Нилу к грани песчаной пустыни и слагавшие их в назначенном месте с необычайной точностью?»

Повторяю: загадка скоро разъяснится.

«Если работа эта велика и достойна народа гигантов, – продолжает почтенный египтолог, – то так же велика и неразрешима загадка, представляемая ею... К стороне востока, в большой зале этого здания, открыто было устье глубокого колодца со светлой водой, и оказалось, что в этот колодезь, по неизвестным нам причинам, были скорее набросаны, чем осторожно опущены, многие статуи царя Хафра. Большая часть статуй была разбита вдребезги, и только одна из них сохранилась совершенно с незначительными повреждениями. Она представляет царя Хафра сидящим. Фигура его полна достоинства. Взгляд его внушает уважение. Сзади головы фараона сидит кобчик, который распростирает свои крылья, как бы защищая царя. Царское имя и титул его начертаны на верхней части пьедестала вблизи обнаженной ноги фигуры».

Открытие это сделал знаменитый египтолог Мариетт-бей.

Что же это было за таинственное здание, назначение которого было непонятно ни для Бругша-бея, ни для самого Мариетт-бея?

Мудрыми эдипами для этой исторической загадки являются египтологи ProkeschOsten и Г. К. Властов, совместно исследовавшие тайны, так сказать, загробного мира фараонов.

Таинственное здание это было тем именно храмом Озириса, «господина мест погребения», о котором говорит стела фараона Хеопса, найденная, как сказано в моем первом рас-

сказе, в храме Изида, с пояснением, что недалеко от этих обоих храмов и почти у подножия пирамиды Хеопса он, Хеопс, воздвиг и прекрасную небольшую пирамиду для своей любимой дочки, прелестной Хент-Сен, погибшей столь ужасною смертью в объятиях того, кого она любила.

Каким же образом все статуи фараона Хефрена очутились в подземном колодце храма Озириса? Чья святотатственная рука уничтожила их, разбила вдребезги, оставив, быть может, совершенно случайно (да оно и было так, как увидим впоследствии), только одно изображение фараона неуничтоженным? Каких необычайных, а быть может, и кровавых событий был в течение многих тысячелетий свидетелем этот храм египетского верховного божества и его безмолвные гранитные стены! Куда девались изображения самого Озириса и других богов, присутствие которых обязательно в храме? Почему только одни немые стены его занесены песками пустыни? Что случилось с изображениями других фараонов, кроме Хефрена, – с изображениями Хеопса, Ноферкара, Сеноферу, которые тоже помещались в храмах как реликвии, посвященные богам?

Разрешение этих вопросов и составит предмет настоящего рассказа.

Фараон Хефрен умер нестарым. Юношей, взойдя на престол обоих Египтов, он, скоро женившись на юной отрасли потомства фараона Сеноферу, на княжне Аснат, имел несчастье потерять ее за год или за два до своей смерти и, тоскуя по ней, скоро женился на ее маленькой сестренке Аире, которой едва исполнилось тринадцать лет и которая поразительно была похожа на свою старшую сестру Аснат, что, собственно, и привлекло к ней любящее сердце овдовевшего фараона.

Но Аира недолго была счастлива своим замужеством. Через полгода после брака Хефрен умер, и мумия его, окутанная драгоценными тканями, после семидесяти дней плача была, по обычаю, замурована в воздвигнутой при жизни фараона пирамиде «урт», или «великой».

Юная Аира горько оплакивала свое мимолетное счастье. Единственным утешением для маленькой вдовы оставалось посещать храм Озириса, «господина мест погребения», тем более что там находились статуи ее рано умершего мужа, поразительно похожие на Хефрена. По понятиям египтян, души умерших, заключенные в гробницах вместе с их мумиями, днем могли свободно выходить из своей вечной тюрьмы, принимать какой им угодно образ и посещать дорогие места и тех, кого они любили на земле. Молоденькая Аира глубоко этому верила и, постоянно посещая храм Озириса с дорогими ей изображениями Хефрена, горячо с ним разговаривала, воображая, что он ее слышит, плакала, обнимала его гранитные холодные колени и целовала их с такою страстностью, что сообщала холодному камню жар своих поцелуев, – и ей, глубоко верующей и детски наивной, казалось, что под ее ласками и горячими поцелуями гранит оживает, в камне ощущается жизненная теплота, движение крови в кровеносных сосудах, биение сердца...

– О супруг и господин мой! – стонала она. – Приди ко мне, явись в каком тебе угодно образе! С тех пор как ты унес с собою в область Озириса все мои радости, я каждую ночь обливаю слезами вдовицы осиротевшее ложе свое... О великий Озирис, сжался надо мною, не держи мою радость в заключении... Видишь, я прихожу к тебе каждый день, как осиротевшая горлянка пустыни.

Аира молилась всегда в уединении. Когда она являлась в храм под траурным покрывалом, ее, как вдовствующую царицу, по приказанию верховного жреца Озириса оставляли одну в храме с ее печальными слезами.

Один только верховный жрец тайно наблюдал за нею. Осорхон – так звали верховного жреца – был еще сравнительно молодой человек. Высокий пост главного служителя Озириса он занял отчасти потому, что, происходя из жреческой касты как сын верховного жреца бога Пта, «божественного зодчего вселенной», он скоро возвысился над другими, более старыми жрецами, главное же – потому, что, богато одаренный от природы, он ранее других и глубже

других проник в тайны жреческой мудрости и отличался обширными познаниями по астрономии, математике и медицине. Отзывчивый, впечатлительный, с нежным сердцем и пламенным воображением, он глубоко скорбел душой, изо дня в день наблюдая, как изнывает в страданиях и тоске юное, прелестное существо. Он знал Аиру еще совсем ребенком и, часто бывая при дворе фараона, не мог не любоваться живой, резвой, очаровательной девочкой. Теперь же, видя ее постоянно, разделяя с нею терзания ее молодого сердца, хотя помимо ее сознания, видя, какой неиссякаемый источник любви в этом сердце иссыхает в потоках слез, в объятиях холодного гранита, он безумно полюбил этого царственного ребенка с разбитой куклой.

В порыве страсти пылкий египтянин решился на отчаянный поступок.

Ночью он призвал в храме подчиненных ему жрецов Озириса.

– Братья мои по служению божеству, – сказал им Осорхон, – вчерашней ночью великий Озирис сообщил мне свою волю. Вам известно, что он – отец чудодейственных вод Нила, он – источник вод, текущих из земли и носящихся на облаках в пределах беспредельного Амона-Ра; он – вместилище и восточное океанов.

– Да, мы знаем это, старший брат наш по служению божеству, – отвечали жрецы.

– Вы недавно оплакивали его святейшее, любимого сына Горуса, светлейшего фараона Хафра – да живет он вечно! – продолжал Осорхон. – Недавно великий Озирис взял его от нас в свои селения... Теперь за его святую и добродетельную жизнь на земле великий бог повелел мне отдать ему – его стихиям – все изображения фараона, какие находятся в храме нашего бога... Видите вы их? – Осорхон указал на статуи Хефрена.

– Видим и преклоняемся пред волею божества, – был ответ.

– Пусть же голубые воды великого Озириса примут их! – заключил он. – Берите и несите их к источнику бога.

Этот источник Озириса и был тот подземный колодезь в восточной стороне храма, который был открыт Мариеттом-беом и в котором в числе разбитых вдребезги статуй Хефрена найдена и та, которою я любовался в Булакском музее Каира.

Жрецы тотчас же исполнили приказание своего верховного начальника: соединенными усилиями они подняли, одно за другим, гранитные изображения Хефрена и опустили их в глубокий колодезь, отверстие которого и закрыли каменной плитой.

– Помните, братия, что это – тайна великого Озириса, и она не должна сходить с ваших уст, пока великий Озирис сам не призовет вас к себе, – сказал Осорхон с внушительной торжественностью, отпуская жрецов.

Наутро Аира, по обыкновению, явилась в храм. Все жертвенные приспособления оказались на местах. Все изображения богов, статуи Хеопса, Ноферкара – все оставалось по-прежнему. Не было только статуй Хефрена – одного только Хефрена!

Как громом пораженная, стояла Аира. На лице ее был ужас. Она торопливо, точно помешанная, стала метаться по обширному храму, отыскивая своего мужа.

Его нигде не оказалось!

– О жестокие боги! – ломала руки несчастная девушка. – Вы и это утешение отняли у меня! Великий Озирис! Куда ты взял лики моего повелителя, мою разбитую радость, мою вдовью суму нищей!

Вдруг тихо распахнулась пурпурная завеса внутренних покоев храма, и в белой одежде жреца медленно выступил Осорхон с нервной улыбкой на устах.

– О святой отец! – бросилась к нему Аира. – Куда девались священные изображения моего супруга и повелителя?

– Аира! Дитя мое! Супруга моя! – нежно произнес Осорхон, приближаясь к ней.

Она со страхом отступила.

– Ты не узнаешь меня? – продолжал верховный жрец с дрожью в голосе. – Я твой супруг, твой повелитель, твой Хафра... Ты звала меня из моего гроба... Ты умоляла великого Озириса

отпустить к тебе мою душу в каком угодно образе... И бог отпустил меня, повелевая воплотиться в образе его верховного служителя... И вот я снова с тобой, мое дитя, чистый цветок лотоса, моя Аира!

Детски наивная и детски верующая Аира все еще сомневалась.

– А где же его... твои изображения? – колебалась ее наивная головка. – Где изображения моего фараона?

– Великий Озирис взял их в свою обитель и вместо них меня прислал к тебе, мое дитя, – нежно говорил Осорхон. – Милостивый бог видел, как твои маленькие, нежные ручки обнимали здесь холодный гранит, как твои горячие губки лобзали бесчувственный камень, а твои чистые слезы лились ручьем, огнем падая на мое сердце в гробу... И великий бог сжалился над тобой – и вот я здесь!

Наивная головка совсем помутилась и закружилась...

– О мой повелитель! – склонилась Аира к ногам Осорхона и обнимала его колени.

Верховный жрец затрепетал. Бросившись на колени сам, он поднял также трепещущую глупенькую Аиру, словно маленького ребенка, и скрылся с нею за пурпурной завесой храма Озириса.

Пронеслись над этим храмом, как и над всем Египтом, столетия, тысячелетия – пронеслись, как день один, как миг вечности... Приходили на Египет завоеватели, хищники, иноплеменики... персы, римляне, греки... города и храмы разрушались, пирамиды святотатственно обнажались, обелиски разбивались на щебень или увозились... Годы и пески пустыни делали свое дело – засыпали аллеи сфинксов, гробницы, развалины храмов, в том числе и храм Озириса, из которого хищники давно вынесли или выбросили и богов, и изображения фараонов... Не добрались варвары только до колодца в храме Озириса, где покоились разбитые (и одна уцелевшая) статуи Хефрена, оберегая тайну великого жреца Осорхона, тайну, которую похитил у вечности беспокойный египтолог, Мариетт-бей.

В тот же день я вторично отправился в музей Булака, чтоб еще раз взглянуть на статую Хефрена, которую так страстно обнимала глупенькая, но хорошенькая Аира.

III

Бог Апис

Во время пребывания моего в Египте особенную симпатию возбуждали во мне труженники этой страны чудес – феллахи, потомки строителей пирамид и всех чудес земли фараонов, и скромные быки-буйволы, потомки богов Аписов.

Только какая превратность судьбы потомков богов! Аписам воздвигались величественные храмы, воздавались божеские почести, пред ними падали ниц верховные жрецы страны и сами цари Египта, могущественные фараоны. А теперь потомкам богов завязывают глаза и заставляют целый день, не видя света божьего, кружиться на месте, вертя рычаг тяжелой водокачки для поливания водою Нила и его каналов.

При виде этих грустных картин, особенно когда полуголый и босоногий феллах хлестал бичом по спине потомка рогатого бога, мне невольно припоминались высокопарные хвалебные начертания на открытых лет сорок тому назад все тем же неугомонным Мариетт-беем, в развалинах мемфисского Серапеума, «Аписовых стелах», или каменных плитах, – краткие, но напыщенные некрологи рогатых богов.

Вот, для примера, надгробная надпись на стеле одного Аписа:

«Год 20-й, месяц месори, день 20-й царствования Псаметиха I, ушло величество живого Аписа на небо. Пошел этот бог, чтобы быть погребенным в мире, в прекрасную страну Запада, в год 21-й, в месяц паофи, в день 25-й, родившись в году 26-м царствования царя Верхнего Египта, Тахарака, и будучи введен во храм великого бога Пта, отца своего, в месяце фармути, в день 9-й. Всего же царствования этого бога было 21 год».

Или надгробная надпись другого Аписа:

«В год 52-й, в царствование этого бога, пришли (жрецы) сообщить его величеству фараону (Псаметиху I): “Храм отца твоего Озириса-Аписа и все, что в нем есть, находится в неудовлетворительном состоянии. Посмотри на святые тела быков, в каком они положении. Разрушение овладело местом, где каморы их”. Тогда повелел его величество фараон сделать обновление в его храме. Сделался он красивее, чем был прежде. И приказал его величество фараон для умершего бога совершить все обычное и подобающее, как богу, в день его погребения. Все сановники стояли на страже над тем, над чем следовало сторожить. Священное тело бога было умащено пряностями, а бинты, коими спеленато было священное тело, были из биссуса (виссон) – ткани, которая подобает для богов. Его каморы были сделаны из дерева кет, из сикомора, акации и из лучших древесных пород. Резные работы на них были, как изображение людей в парадной палате. Придворный царя был собственно к этому приставлен, и он наложил дополнительный налог для этого дела на Средний и Нижний Египет».

Это ли не божеские почести! Это ли не безумие человеческое – облагать особым налогом страну для сохранения падали дохлых быков!

И преемник Псаметиха и сын его, Неку, или Нехао, знаменитый в истории мореплавания фараон, был не умнее своего царственного папаша. При нем околел второй Апис, – и вот на гробнице этого быка читаем:

«Год 16-й, месяц хойак, день 16-й, в царствование царя Неку, вечно живущего, друга Аписа-Озириса (друг быка!). Это есть день погребения этого бога и прибытия в мире этого бога в мир загробный. Совершено было его погребение на месте его, в его священном доме, в Ливийской пустыне, близ Мемфиса, после того, как над ним совершены были все обычные обряды в очистительной каморе так, как оно с древних времен совершалось. Этот бог родился в 53-м году, в месяце мехире, в 19-й день царствования царя Псаметиха I. Введен был бог в храм великого бога Пта, к отцу своему, в Мемфисе, в году 54-м, в месяце атире, в 12-й день. Соединение его с жизнью (т. е. когда он околел!) имело место в году 16-м, в месяце

паофи, в день 6-й. Всей его жизни было 16 лет, 7 месяцев, 17 дней. Его величество, царь Неку, пожаловал все расходы и все нужное для пышности и великолепия этого бога. Он выстроил ему подземное его гробовое место из хорошего белого известняка, хорошо исполненной работы. Никогда сему подобного не бывало».

Из этого видно, что этот Апис введен был в храм «отца своего, божественного зодчего вселенной», бога Пта, годовалым телком. А что же было с его мамашей, коровой? Вероятно, и она была в почете... А папаша-бык?

Особый интерес представляет эпитафия, посвященная Апису, скончавшемуся при фараоне Шашанке III, из XXII династии царей Египта. Эпитафия говорит, как «отыскивали» нового рогатого бога после смерти его предшественника. Из этого не следует ли заключить, что продувные жрецы прибегали к разным способам для приобретения себе рогатых божеств и не всегда могли знать, какая счастливая корова отелилась богом.

Вот содержание этой любопытной стелы:

«В год 2-й, в месяце мехире, в день 1-й, во время царствования Пимаи, друга великого бога Аписа на Западе. Это есть день, в который отошел бог на покой, в прекрасную страну Запада, и погребен был в гробничном подземелье, в котором он и положен, в вечном доме своем, на вечном месте своем. Он родился в год 28-й, во времена царя Шашанка III, умершего. Выискивали его великолеpie (то есть Аписа) во всех местностях Питоми (Нижнего Египта). Он был найден в городе Хашедабот, по прошествии месяцев. Выисканы были озера Нато и все острова Питоми. Он был торжественно введен в храм бога Пта, к отцу своему, мемфисскому богу Пта южной стены (это был акрополис Мемфиса), верховным жрецом в храме Пта, великим вождем машушей Петизе, сыном верховного жреца Мемфиса и вождя машушей Такелата и принцессою царского рода Тесбастпир, в год 28-й, в месяц паофи, в день 1-й. Полного жития этого бога было 26 лет».

Если этого бога искали по берегам озер и по островам, то предполагали, значит, что он скромно где-нибудь пасется, пощипывая юную травку и не подозревая, что он бог и что, если он захочет забодать до смерти самого фараона, то ему должны буду поклониться все, как проявлению божеского гнева. И все-таки, как ни нелепы были эти плутни жрецов, быки продолжали быть богами не сотни лет, не одну тысячу, а, по счету ученого Воеск'а, – семь тысяч лет!.. О человеческая глупость!.. Тобою держатся царства.

Следующий рассказ, надеюсь, подтвердит мое заключение о могуществе глупости.

Могущественнейшим и славнейшим, в специальном смысле, царем Египта, как известно, считается Рамзес II, или Рамессу, которому льстивая и фальшивая история к имени Сезострис прибавила эпитет Великий. Его ненасытность по части завоеваний и грабежей соседних стран, особенно Востока, заставила все народы, заселявшие побережье Средиземного моря и Переднюю Азию вплоть до границ Индии, соединить свои силы для отпора общему врагу. По свидетельству знаменитой героической поэмы Пентаура, певца подвигов Рамзеса, в союз этот вступили народы хита, нахараин, малунва, пидаза, дардани, маза, каркиша, кацуатан, каркемиш, кати, анаугас, акерит и мушанат.

Узнав об этом, Рамзес из Фив поспешил со своим войском в Мемфис, разослав по всей стране гонцов с приказанием всем военачальникам явиться к нему в Мемфис со своими легионами.

Вожди явились на грозный зов фараона. В развалинах храма в Абидосе сохранилась об этом обширная надпись. Вот, между прочим, как описывается там прием Рамзесом вождей:

«Допущенные к царю, носы их касались земли и ноги их лежали на земле от радости, – они пали ниц и руки свои воздымали к царю. Они славили этого божественного благодетеля и превозносили милости его в его присутствии. Они подробно перечисляли, что он совершил, и сопоставляли славные его деяния, как они происходили. Все слова, выходявшие из уст их,

с полною истиною говорили о деяниях господина земли. Так лежали они на животах своих (удобное положение), касаясь земли перед царем и говоря:

– Мы пришли к тебе, господин неба, господин земли, солнце, жизнь мира, господин времени, измеритель солнечного течения, Тум (видоизменение бога Ра) для людей, господин благополучия, творец жатвы, соделывающий и формирующий смертных, раздающий дыхание земли всем людям, оживитель сонма богов, столп неба, основание земли, держащий весы равновесия обоих миров, господин богатых даяний, умножитель зерна, у ног которого пребывает Ранен (египетская Церера), творящий великих, творец малых, изречения которого содержат превосходнейшую полноту значения, бодрствующий, когда другие люди покоятся, сила которого охраняет Египет, поражающий чужеземцев, возвращающийся с победой, рука которого защищает Египет, любящий правосудие, в котором он живет законами своими, господин земли (повторение!), богатый годами, победоносный страх которого поразил чужеземцев (опять повторение), – ты наш господин, наше солнце, словом которого, из уст его исходящим, живет Тум. Мы все пред тобой, подари нам жизнь из рук твоих, фараон, и дыхание для ноздрей наших. Да живут все люди, для которых взошел ты, как солнце!»

Вот какой бред должен выслушать Рамзес от почтенных военачальников, «носы которых касались земли и ноги лежали на земле от радости»...

Выслушав этот бред, фараон приказал выстроить войска перед цитаделью, лицом к храму верховного бога страны Пта, с тем чтобы обитающий в этом храме рогатый бог, Апис, благословил войска на победы и одоление супостатов.

Скоро из гигантских пилонов храма показалась торжественная процессия. Впереди выступала юная жрица бога Аписа, стройная Мери-Амон, из знатного рода ерпа, или наследственно великих. В одной руке ее был небольшой сноп свежей, сочной пшеницы, а в другой – золотой серп. За нею, как и жрица, в белом одеянии, следовал верховный жрец храма Пта, воскуряя фимиам в честь шествовавшего за ним «великого бога». Это был тучный бык – царственный Апис.

Едва кривые рога Аписа показались в промежутке гигантских пилонов, как Рамзес, восседавший впереди войск на золотом троне, окруженный эрисами, или военачальниками, которые длинными опахалами из страусовых перьев навевали прохладу на голову фараона, – как Рамзес тотчас встал со своего пышного сидалища и пошел навстречу рогатому богу. Воины троекратно ударили в щиты и громко возгласили: «Слава Гапи, великому живому богу!» Бык при этом мотнул головой и своими добродушными глазами жадно, по-детски уставился на роскошный сноп пшеницы, который торжественно несла перед ним юная миловидная жрица. «Великому живому богу» плуты-жрецы не давали сегодня есть, подготавливая его к религиозной процессии, и Апис, за многие годы вымуштрованный жрецами не хуже слонов в цирке Чинизелли и свиней Дурова, хорошо изучил свою роль для торжественных выходов. Он знал, что когда жрецы не дают ему есть, то это означает, что будет процессия, что верховный жрец будет курить перед его мордой противными благовониями и до тех пор не допустит его до лакомого снопа сочной пшеницы, несомого хитрой девчонкой Мери-Амон, пока его мучитель, верховный жрец, не проделает всех своих штук.

При виде божественного быка толпы народу, стоявшие вдоль стен цитадели и даже взобравшиеся на спины сфинксов «дромоса», огласили воздух радостными криками: «Живой бог! Великий Гапи!» – и многие падали ниц на землю, как бы боясь лицезреть свое божество. А бык, отбиваясь хвостом от мух, не сводил глаз со снопа пшеницы, как бы говоря: «Знаю я все ваши шутки... Погодите – так-то после этого наемся...»

Когда Рамзес приблизился к юной жрице, она подала ему золотой серп.

«Примет ли великий бог, царственный Гапи, мою жертву? – не без тревоги думал Рамзес, принимая серп. – А если не примет?.. Через это фараон Хоремхиб лишился престола, и Египтом завладел безбожный Хунатен».

Верховный жрец отошел со своими курениями в сторону, и морда Аписа, не видя перед собой противного дыма, радостно потянулась к снопу. Рамзес быстро отрезал серпом пучок зеленых, наливных колосьев и, припав на колени, подал этот пучок Апису.

Бык стал жевать, добродушно взглядывая то на Рамзеса, то на остальной сноп пшеницы, как бы говоря: «Теперь это не уйдет от меня».

Восторженные крики огласили воздух:

– Великий бог принял жертву!.. Бог жует! Божественный Гапи!

Но вдруг Апис вздрогнул и отчаянно стал биться, вскидывая вверх задние ноги.

Рамзес побледнел и отступил в испуге. В толпе раздался крик ужаса. Бык заревел и стал метаться. Следовавшая за ним процессия жрецов со священными изображениями крокодилов, царских кобчиков, священных жуков, все служители храма, находившиеся в процессии дети жреческой касты – все это пришло в смятение, все расступились, видя, что разъяренный бык, продолжая биться, бросился назад, задрав кверху хвост, сбил с ног некоторых жрецов со священными предметами и как бешеный помчался назад, к пилонам храма. В толпе послышались вопли женщин, отчаянный плач детей...

– Бог разгневался! Бог не принял жертвы! – слышались голоса.

– Великий Гапи не хочет войны! – послышались голоса в войске. – Он невзлюбил фараона! Он не даст нам победы.

Рамзес глядел растерянно, озираясь кругом. Его смуглое лицо покрылось бледностью. Золотой серп выпал из его рук. К нему подошел верховный жрец.

– Да не смущается сердце царя! – сказал он торжественно. – Я знаю, почему великий бог так поспешно возвратился в храм свой, к отцу своему Пта, божественному зодчему вселенной. Он узнал божественным духом своим, что в толпе есть «нечистые» – соглядатаи иноплеменников, презренных врагов твоих: он увидел их святыми очами и ушел в дом свой. Последуем за ним и мы, и в храме своем он примет от тебя жертву. Возьми пшеницу в руки свои и следуй за мною. Пусть эрисы твои сопровождают тебя и опахалами своими навевают на тебя дыхание великого Амона-Ра. Передай сноп его святейшеству, фараону, господину земли, – сказал он, обращаясь к юной жрице.

Мери-Амон, робея и краснея, передала сноп Рамзесу и подняла упавший из рук его серп.

Процессия, выстроившись в прежний порядок, двинулась к пилонам. Только Аписа заменил теперь Рамзес со снопом пшеницы в руках. За ним юная Мери-Амон несла священный серп.

Пройдя пилоны и внутренний двор храма, уставленный огромными статуями фараонов, процессия с пением священных гимнов вступила во внутренность храма, где, стоя около жертвенника и отмахивая от себя хвостом мух, уже ожидал ее Апис. Он был совершенно спокоен. Добрые, но глупые глаза его, казалось, говорили: «Вот и сами пришли ко мне».

Увидав Рамзеса со снопом в руках, рогатый бог сам двинулся к нему навстречу, протягивая морду к пшенице. Рамзес, упав на колени, протянул к нему сноп, и Апис жадно стал есть, как бы одобрительно мотая головой и доверчиво глядя в озаренное радостью лицо фараона.

«Принял жертву великий бог, принял!» – молитвенно шептал Рамзес.

Когда верхушка снопа со зрелыми колосьями была съедена, верховный жрец тотчас стал курить благовониями около морды Аписа, который ненавидел эти курения, но, боясь своего мучителя, верховного жреца, и зная, что теперь должен удалиться в свое роскошное стойло, покорно последовал за жрецом, вполне уверенный, что в стойле своем он уж наестся до отвалу.

Когда верховный жрец и Апис с юною Мери-Амон скрылись во «святая святых» храма за драгоценною занавесью из белого биссуса, Рамзес упал снова на колени перед жертвенником и благодарил богов за благосклонное принятие Аписом его жертвы.

Потом он, обратись к изображению бога Амона, громогласно воскликнул:

– Взываю к тебе, отец мой Амон! Ты не забыл меня, твоего сына, ибо я не сделал ничего без твоей воли: я ходил и действовал по слову уст твоих. Никогда не преступал я слов твоих и не преступал ни в каком направлении повелений твоих. А теперь разве должен я, благородный властелин и господин Египта, склоняться перед чужеземными народами на пути своем? Какая бы ни была цель этих пастухов, Амон должен стоять выше, чем презренный иноземец, ничего не знающий о боге. Я посвятил тебе многие и великолепные памятники, я наполнил храмы твои моими военнопленными, я выстроил тебе храм, долженствующий просуществовать многие тысячи лет, – я отдал тебе на нужды храма все мое добро, – я соединил всю страну, дабы она вся платила тебе подати в доходы твоих храмов; я посвящал тебе жертвоприношения из десяти тысяч быков и из всех хороших и благоухающих деревьев. Никогда не уклонялась назад рука моя, дабы не случилось, чтобы ты чего пожелал. Я выстроил тебе пилоны и чудеса строительного искусства из камня, поставил тебе мачты на вечные времена, привозил для тебя обелиски с острова Аб². Я тот, который приказал доставить для тебя вечный камень, – который для тебя посылал морские корабли на море, чтобы привозить тебе произведения чужеземных народов. Где рассказывается, что подобное совершалось когда-либо? Да падет стыд на того, который пренебрегает твоими повелениями, но да будет добро тому, который признает тебя, о Амон! Я действовал для тебя доброжелательным сердцем, потому что я взываю к тебе. Ты видишь, о Амон, на меня идут бесчисленные народы; многие неизвестные племена соединились, чтобы погубить меня. А я совершенно один с моими силами. Но я думаю, что для меня один Амон больше, чем миллионы воинов, чем сотни тысяч копий, чем десятки тысяч братьев и сыновей, хотя бы они были все соединены в одном месте. Ничто суть усилия толпы людей – Амон сильнее их. То, что мною совершается, – совершилось по повелению уст твоих, о Амон, и не преступлю я заповедь твою. Смотри, я взываю к тебе – к дальнейшим пределам мира!

Вдруг где-то, словно в воздухе, послышалось тихое металлическое бряцанье. Это звенели где-то сестры – священные музыкальные инструменты, издавая тихие гармонические звуки.

Эти как бы небесные звуки заставили Рамзеса и его эрисов моментально повергнуться ниц. Они знали, что сейчас раздастся глагол божества. И действительно, где-то прозвучал глухой, но явственный голос.

– Я поспешил к тебе, Рамзес-Миамун! – отчетливо проговорил кто-то, словно это возглашал гранитный истукан Амона. – Я с тобою. Я есмь твой отец, солнечный бог Ра. Рука моя при тебе. Да! Я драгоценнее, чем сотни тысяч, соединенные на одном месте. Я есмь владыка побед, друг храбрости – я нашел в тебе правый смысл, и сердце мое радуется тому.

Таинственный голос умолк. Опять зазвенели сестры, и, как бы уходя все далее и далее, звуки их потерялись в пространстве. Рамзес вытянулся и торжествующим взором окинул своих вождей, которые с благоговением и страхом смотрели на своего повелителя.

Из внутреннего отделения храма выступил верховный жрец.

– Живущий бог Гапи благословляет тебя на битву, Рамзес-Миамун! – торжественно провозгласил он. – Ты победишь. Великий Амон укрепит в битве твою руку и руки твоих воинов. Объяви им волю богов!

Волю богов действительно объявили войску. Оно ликовало, узнав, что бог Апис обещал победу фараону.

И кровопролитная победа вскоре одержана Рамзесом над союзными войсками у города Кадеша на Оронте.

Виновником победы был бык. Причина внезапного бегства его, так напугавшего Рамзеса и все его войско, осталась для всех тайной, хотя верховный жрец знал эту тайну: Аписа укусил неожиданно дрок – насекомое, очень известное и в России. От его укуса скот приходит в неистовство и готов броситься в огонь и в воду, лишь бы спастись от укусов ненавистного

---

² Элефантина. – Д. М.

насекомого. Как бы то ни было, но имя Аписа так воодушевило египетское войско, что оно одержало кровавую победу. Вот что значит глупость.

IV

Невеста крокодила

В Луврском музее, в Париже, в галерее египетских древностей, меня очень заинтересовала статуя одного фараона. Не умея разбирать иероглифов, я обратился к каталогу знаменитого египтолога, виконта де Руже, и узнал, что передо мной фараон XIII династии, Себекхотеп III.

Когда в 1881 году я был в Египте и словно во сне бродил по каирскому музею в Булаке, среди как бы восставшего из могилы не «сорока веков», а шестидесяти и семидесяти – царства фараонов, среди статуй этих удивительных владык страны Нила, среди безмолвных мумий, загадочных, молчаливых сфинксов, – я, к удивлению, не нашел там ни одного из фараонов XIII династии. Поэтому я с особенным любопытством остановился перед статуей Себекхотепа III, тем более что она сама по себе замечательна как скульптурное произведение, – замечательна, по выражению де Руже, «par le type svelte du torse et par le port gracieux de la tete». Наше удивление при виде этой статуи должно еще более возрасти, когда мы вспомним, что ее изготовлял резец скульптора, от которого отдаляют нас, по исчислению ученого Воеск'а, 5400 лет. Это так давно, что почти восходит к сотворению мира по библейскому счислению, ибо от Моисея нас отделяют только около 4200 лет, а от основания мнимо «вечного» Рима всего с небольшим 2600 лет!.. Что ж это была за цивилизация, которая создавала мастеров, умевших из твердого гранита иссекать своим резцом человеческие головы, подобные той, о которой де Руже говорит: «Elle est empreinte a en haut degre de cette serenite douce et majestueuse, qui fait le grand charme de Part egyptien des belles epoques!»

В том же музее, в Лувре, в отделении стел и надписей, находится стела времен XIII династии. На верху стелы изображен крылатый диск, украшенный двумя царскими змеями – уреусами, представляющими божества севера и юга. Ниже этого иероглифическое начертание гласит: «Гат, великий бог, луч света, господин неба». На самой середине стелы прекрасно вырезаны изображения двух молоденьких девушек, которые приносят жертву богу Горусу – «sous la forme ithyphallique», как сказано в объяснении иероглифического знака. Это дочери фараона Себекхотепа III, царевны Анук-тата и Уугету. Юные девицы просят у бога о ниспослании им чадородия, то есть, собственно, женихов.

Бедные девочки не предвидели, что пламенное обращение к всемогущему Горусу кончится для одной из них очень печально, что читатель и увидит из последующего рассказа.

Себекхотеп III вместе со своим двором, главными сановниками и частью своего многочисленного семейства находился, по разным государственным соображениям, в городе Шети – «городе крокодилов», недалеко от Мемфиса. Город этот лежал у знаменитого Меридова озера – памятника гениальной государственной предусмотрительности фараона Аменемхата III, царя из XII династии. Озеро это регулировало разлив вод Нила. В нем водилось множество крокодилов – более чем в Ниле, благодаря обилию громадных тростников, окружавших озеро, и оттого самый город Шети, стоявший у этого озера, греки называли Крокодилополисом. Самое божество этого города был крокодил. Собственно, бог-крокодил, у которого был свой храм и целый сонм жрецов, жил не в озере, а в особом, огражденном со всех сторон гранитным парапетом обширном бассейне. Этому гигантскому чудовищу воздавались божеские почести, приносились жертвы, воскурялись фимиамы драгоценными благовониями «священной земли Пунт», и воспевались хвалебные гимны. Знаменитый Страбон, который путешествовал по Египту с географическими научными целями более чем через две тысячи лет после Себекхотепа III, посетил «город крокодилов», где видел бога-крокодила, когда жрецы кормили это чудовищное божество. Божеское имя чудовища было Сухос. Чудовище это, несмотря на свою свирепость, находилось в полнейшем подчинении у жрецов. Эти ловкие плуты, будучи гораздо образован-

нее самих фараонов и всех их сановников, державшие в самовластном нравственном подчинении всю страну Нила, с самого юного возраста так вымуштровали своих богов, и панциреобразных гигантских ящериц – Сухосов, и рогатых четвероногих богов – Аписов, что малейшие звуки систра деспотически командовали богами, точно школьниками или выдрессированными животными цирка. При одном бряцанье систра страшный крокодил выходил из воды, при другом – покорно скрывался в ней.

В то время как фараон Себекхотеп находился со своим двором в гостях у бога Сухоса и когда юные царевны Ануктата и Уугету приносили ему в жертву молоденьких барашков и голубей, в Крокодилополис прибыл из Верхнего Египта, из Нубии, вызванный по делам службы молодой сановник Ран-Сенеб, главный начальник крепости Сохем-Хакаура. Кроме начальствования над крепостью этот красивый, загорелый, как эфиоп, египтянин заведовал знаменитым «ниломером», устроенным лет за двести до Себекхотепа, по повелению упомянутого выше фараона XII династии, мудрого Аменемхата III, которому, как я уже сказал, принадлежит сооружение прославленного историками в числе чудес света Меридова озера.

В наше время, как известно, в век телеграфов, о поднятии вод в верховьях Нила телеграф дает знать в Каир из Хартума, из Нубии, для того, чтобы в древней столице хедивов, жалких наследников фараонов, могли быть заранее приняты меры, смотря по силе наводнения, к отводу излишних вод в каналы и другие гидравлические приспособления и чтобы заранее могла быть оценена сила наводнения – в целях фискальных, то есть какие подати на данный бюджетный год налагать на шею бедных феллахов, прямых потомков строителей пирамид и Меридова озера. Тогда же, когда юные царевны Анук-тата и Уугету своими хорошенькими ручками бросали в пасть бога-крокодила молоденьких барашков и голубей, при подъеме вод Нила от «ниломера», из крепости Сохем-Хакаура, летели в Мемфис гонцы, загоняя в бешеной скачке от поста до поста сотни бедных лошадей.

И вот когда последний гонец привез Себекхотепу известие, что Нил, поднявшись у «ниломера» на столько-то локтей, «задумался» и больше не поднимается, то вызван был в Мемфис сам начальник «ниломера», красивый и загорелый Ран-Сенеб, который и застал фараона в «городе крокодилов», у Меридова озера.

Но я не намерен надоедать читателю государственными делами фараона Себекхотепа III, а расскажу только о том, какие последствия имел в судьбе хорошеньких царевен Анук-тата и Уугету приезд ко двору их царственного отца загорелого Ран-Сенеба. Скажу только, что он так хорошо зарекомендовал себя перед фараоном своими государственными мероприятиями, что Себекхотеп вознамерился вознаградить его по-царски: он обещал выдать за него одну из своих любимых дочерей, и пусть только бог Горус и богиня Гатор, покровительница любви, подскажут пылкому сердцу загорелого Ран-Сенеба которая из царевен ему милее: Анук-тата или Уугету.

Хотя это решение до поры до времени оставалось в тайне для юных царевен, но они женским чутьем угадали, что их ждет что-то очень-очень хорошее, и добились-таки того, что добрая мать выдала своим девочкам, этим распускающимся «цветкам лотоса», тайну их отца и загорелого Ран-Сенеба. А девочки были не глупые: они давно заглядывались на загорелого «Горуса из Нубии», как они его про себя называли. Распустившиеся «цветочки лотоса» жаждали уже любви.

И вот юные царевны стали усердно приносить жертвы уже не крокодилу, а богу Горусу (греко-римский Феб-Аполлон, так как все божества классического мира заимствованы из Египта). Они заказали даже придворному каменщику-скульптору изобразить их на стене храма в том виде, в каком изображения их и Горуса мы видим на стеле в Лувре: царевны приносят жертву богу оплодотворения – «sous la forme ithyphallique». Это был высший акт богопочитания. Заказанная юными поклонницами стела пережила, таким образом, более пяти тысячелетий и только в нынешнем столетии найдена среди засыпанных песками Сахары развалин

«города крокодилов», когда от прекрасных египтянок не осталось и пепла. Нет! – я не то сказал, – от одной из них сохранилась целая мумия, о чем я скажу ниже.

Как бы то ни было, но Горус услышал молитву только одной из сестер – младшей, Уугету, которой тогда исполнилось тринадцать лет. Жертва же старшей – Анук-тата, которой только что минуло четырнадцать лет, была отвергнута богом. Загорелый Ран-Сенеб объявил Себекхотепу, что богиня Гатор сложила в его сердце нежный, прекрасный цветок лотоса в виде маленькой, с глазками газели Уугету.

Известие об этом повергло в глубочайшее отчаяние беденькую Анук-тата. Она приняла это как знамение того, что она отвергнута богами, что над нею тяготеет проклятие подземных сил. Ей казалось, что для нее уже нет жизни на земле, когда сами боги отвернулись от несчастной. Ее юная головка не могла сообразить, что Ран-Сенебу нельзя же было взять за себя разом обеих сестер. Но почему он взял младшую, а не ее? Зачем рука его потянулась за «цветком лотоса», который отстоял от него дальше, чем другой? В этом – предопределение богов: она, Анук-тата, отвергнута, опозорена. Все так поймут. Как же она явится завтра на глаза жрецов, двора, эрисов? Она должна уйти от человеческих глаз, скрыться в мрачной пустыне, где бродят голодные шакалы, где безжалостный подземный бог, Сет, стережет свои жертвы.

Всю ночь она проплакала – и наконец решилась.

Встав рано утром, она тайно пробралась в то отделение храма, где находились жертвенные животные и куда они с сестрой заходили каждое утро, чтобы взять барашка для принесения в жертву крокодилу. Взяв и на этот раз маленького ягненка и жреческий систр, она, никем не замеченная, тихонько приблизилась к бассейну – обиталищу чудовищного бога, и позвенела систром. В то же мгновение из-под воды показалась страшная голова крокодила. Увидав на руках девушки свое лакомое блюдо, чудовище, радостно сверкнув своими маленькими, свирепыми глазками, раскрыло во всю ширь свою страшную пасть, утыканную двойным рядом зубов, похожих на пилы. Чудовище жадно ожидало своей жертвы.

Анук-тата, торопливо положив на землю ягненка и систр, подошла к самому краю бассейна.

– О жестокий Горус! – тихо, но скорбно воскликнула она, поднимая руки к небу. – Ты не хотел принять меня!.. Прими же меня ты, великий, божественный Сухос!

С этими словами она бросилась прямо в пасть крокодила. В одно мгновение и чудовище, и его жертва скрылись под водой, из которой пошли только пузыри. Но один из жрецов случайно увидел эту ужасную сцену. Он поднял крик. На его отчаянный голос сбежались другие жрецы с систрами в руках.

– Что случилось?

– Царевна Анук-тата бросилась в объятия божества!.. Великий Сухос принял ее, как жертву...

Прибежал верховный жрец. Узнав, в чем дело, он сильно зазвенел своим систром и громким, повелительным голосом стал звать крокодила...

– Сухос! Сухос! Именем великого Озириса, отца вод, рек, морей, вызываю тебя из воды.

Голова чудовища моментально показалась над водой. Он, по-видимому, недоумевал, зачем зовет его голос страшного верховного жреца, этого ужасного старика, которого одного только и боялся ужасный крокодил.

Верховный жрец что-то проговорил – какое-то заклинание, – и страшная голова покорно скрылась под водой, а через минуту снова показалась ужасающая пасть чудовища, и в ней – мертвое тело бедной девочки.

По прошествии семидесяти дней плача, по обычаю египтян, Анук-тата была погребена в фамильном склепе с царскими почестями. Маленькое тельце ее, не изуродованное еще крокодиллом, набальзамированное и пропитанное дорогими благоуханиями «священной земли Пунт», было завернуто в ткани пурпурного биссуса, которыми бинтовали только умерших

богов Аписов, и положено было в гранитный саркофаг. Из этого саркофага через 5400 лет безжалостные египтологи вынули это маленькое тельце-мумию, и теперь оно хранится в каирском музее, где его и показывал мне один из помощников знаменитого Масперо, тогдашнего директора каирского музея. Этот помощник, словоохотливый грек, немножко говорящий по-русски, за два меджие рассказал мне историю бедненькой Анук-тата, а быть может, и сочинил ее. По крайней мере, он показывал мне гранитную стелу, на которой будто бы вырезана эта история; но, не умея разбирать иероглифов, я не мог проверить его и поверил ему на слово.

V

Женщина-фараон

Из всех женщин, царствовавших в Египте в течение пяти тысяч лет, наиболее заметный след в истории оставили три женщины-фараона: царица Хатазу, или Хашоп³, названная «египетской Семирамидой», потом – царица Нитокрис, «красавица с розами на щеках», и, наконец, Клеопатра, этот последний фараон в юбке, который навеки похоронил страну пирамид как самостоятельное государство.

Я намерен рассказать теперь о царице Хатазу, об этом тщеславнейшем из всех фараонов в юбке и без оных, хотя фараоны оных и не носили, как не носят оных теперь их потомки, босоногие феллахи. Царица Хатазу, завладев престолом фараонов, который по праву наследства бесспорно принадлежал ее малолетнему брату, Тутмесу, подобно нашей царевне Софье Алексеевне, заслонившей собою малолетнего брата, царевича Петра, – Хатазу, заслонив собою маленького Тутмеса, публично назвала себя фараоном и повелела, чтобы и подданные называли ее мужчиной – «он», а не «она». Для этого она сбросила с себя женскую одежду и облеклась в официальное одеяние фараонов.

В музее древностей в Берлине находится вывезенная из Египта статуя некоего Семнута. Этот египтянин изображен сидящим и, по-видимому, в неудобной позе – скорчившись. Этот египтянин был очень близким и очень дорогим лицом для эксцентричной красавицы Хатазу, и она-то поставила ему этот памятник, находящийся ныне в Берлине. Статуя Семнута из черного гранита и превосходной скульптурной работы. На правом плече статуи начертанный иероглиф гласит: «Нен кем ем ан ати», то есть «не найдено в писаниях предков». Это значит, что Семнут не имел сановных предков. А между тем иероглифы, вырезанные на сиденье Семнута, гласят, по египетскому обычаю, устами самого покойника, удостоившегося монумента:

«Я был сановник, который любил его (это ее, Хатазу!) и который приобрел себе удивление властелина земли (это опять она, эксцентричная Хатазу!). Он (все он!) сделал меня великим на земле, он назначил меня старшим предстоятелем дома своего и блюстителем всей страны. Так был я первым из первых и великим мастером над мастерами (зодчими)... Я жил при властелине земли, царе Макара (она же, Хатазу) – да живет он (она же!) вечно!»

Кто же была она, эта «египетская Семирамида», и чем она прославилась?

Это была действительно замечательная женщина, несмотря на ее эксцентричность, поразившую египтян. Она была дочерью фараона Тутмеса I, царя XVIII династии. Тутмес, женатый на родной своей сестре, Аамес («чудо луны»), имел двух сыновей, тоже Тутмесов, красавицу дочь, эту самую Хатазу – Хашон-Макара, которая была его любимицей. Он так баловал ее, что позволял девчонке вмешиваться в государственные дела и презрительно относиться к братьям. Но как ни избалована была девчонка, а отец насильно отдал ее замуж за старшего своего сына, за брата своевольной Хатазу, которая через это еще более возненавидела своего брата-мужа. Тутмес потому спешил выдать свою любимицу замуж, что боялся скандала: он узнал от евнухов своего «женского дома», что двенадцатилетняя Хатазу, не по летам развитая, страстно влюбилась в этого самого Семнута, не помнящего родства, который был, однако, очень талантливым зодчим и скульптором и наблюдал за разными работами и в «женском доме» дворца фараона в Фивах, и в храме верховного бога Пта, собственно, в новой камере Аписа, где Семнут сам украшал изящной резьбой роскошное стойло рогатого бога. Шпион-евнух заметил, что маленькая царевна Хатазу часто бегала якобы на поклонение богу Апису, и притом, всегда одна, когда там работал Семнут, а жрец, приставленный к священному животному, отлучался

³ Хатшепсут.

из храма, из отделения Аписа. И шпион подглядел такую сцену: юная Хатазу горячо обнимала и целовала курчавого Семнута и, указывая на Аписа, меланхолично пережевывавшего отборные зерна дурры, нежно шептала:

– О мой господин! Вот великий Гапи свидетель, что я буду твоей женой... Я умоляю божественную Гатор быть нашей заступницей.

Евнух немедленно донес об этом фараону, и Семнута тотчас же сослали в каменоломни Тароау, подальше от Фив, где выламывались камни для построения пирамид и сооружения обелисков. Влюбчивая же девочка была выдана замуж за брата, за ненавистного Тутмеса II.

Фараон Тутмес I скоро, однако, скончался, и упраздненный престол Верхнего и Нижнего Египта занял Тутмес II и хорошенькая, юная Хатазу.

Тутмес II был слабым, безвольным существом, и своенравная Хатазу скоро стала помыкать им, а вместе с тем и всем Египтом. Она возвратила из изгнания своего любимца, Семнута, и сделала его первым сановником при дворе фараонов. Впрочем, он этого вполне заслуживал, как мы увидим ниже.

Безвольный и болезненный Тутмес II недолго, однако, отягощал собою престол фараонов и сердце своей сестры-жены – и властолюбивая Хатазу скоро осталась вдовой в самом расцвете своей молодости и красоты.

Похоронив мужа, она сбросила с себя даже память о нем – женскую одежду, и превратилась в *он*.

И вот теперь развернулась во всю ширь ее честолюбивая душа. Она решила создать такие памятники своего царствования, каких не создавали фараоны ни до нее, ни после нее. Хатазу все это задумала и совершила вместе со своим любимцем Семнудом.

– Божественный Гапи был свидетелем наших первых объятий и поцелуев, – сказала она, падая в объятия своего любимца, когда они остались одни в камере Аписа, и указывая на это священное животное, мирно пережевывающее, как и прежде, свою жвачку: – Пусть же этот великий бог будет свидетелем того, что мы с тобой совершим то великое, что задумали. Всемогущая Гатор соединила наши сердца навеки, и ей мы посвятим все то великое, что совершим с тобой, мой Горус, зодчий моего блаженства.

И теперь камни говорят о том, что они, воодушевляемые любовью, совершили на память грядущим векам.

Известный египтолог, Бругш-бей, изучавший эти камни и прислушивавшийся к их вековечному говору на самих развалинах стовратной столицы прекрасной Хатазу, описав местность, на которой эта замечательная царица решила воздвигнуть свои новые дворцы и царские усыпальницы, говорит: «В этом печальном, пустынном месте, как бы предназначенном для вечного покоя, но с которого виден на другом берегу Нила великий храм Амона, окруженный зеленеющими, привлекательными полями и садами, задумала царица Хатазу создать величественную гробницу в честь умерших царей XVIII дома (и особенно в честь отца, которого она с детства боготворила), – гробницу, которой не превзошла бы великолепием никакая другая гробница в Египте. Самые гробничные пещеры были закрыты воздвигнутым впереди их храмом мертвых. За стеной, позади храма, – обширные залы – жертвенные палаты, предшествующие гробницам царей Тутмесов и потомков их. Палаты эти богато украшены расписанными красками изображениями и иероглифическими надписями духовно-нравственного содержания. Впереди-то их возвышалось гигантски задуманное и гигантски исполненное святилище в форме длинного здания с огромными спускающимися от него вниз, в долину, ступенями, или террасами. Длинная аллея сфинксов («дромос», которым восхищался впоследствии Страбон) вела от нижней террасы к востоку, по направлению к священной реке. Это здание и было творением царицы Хатазу и, не можем не заметить этого, имело родство с теми зданиями, воздымающимися ступенями, которые позже считались «чудом света» на берегах Евфрата.

Исполин, задумавший и совершивший это титаническое дело, был любимец Хатазу, тот непомнящий родства Семнут – немое доказательство того, что может творить любовь гения.

Говорящие камни сохранили и изображения той, которая благосклонно покровительствовала любви царственной Хатазу и гениального Семнута, – зодчего этого египетского «чуда света» и «зодчего блаженства» своей всемогущей покровительницы. Это – богиня Гатор. Среди замечательных скульптурных изображений на стенах святилища она величаво выступает с головой коровы! Забыт только бог-бык Апис, на глазах которого маленькая резвушка Хатазу обнимала и целовала гениального зодчего. Но, быть может, и он не был забыт, а только камни не говорят теперь о нем ничего.

Зато камни говорят о небывалом дотоле в истории Египта подвиге Хатазу – подвиге, которого не совершил ни один из фараонов.

Но этот подвиг должен составить содержание следующего рассказа, а здесь я ознакомлю читателя с тем, какое впечатление произвели создания гениального Семнута, воодушевленного любовью такой необыкновенной женщины, как Хатазу, на тех, кто видел эти дивные, говорящие камни.

Наш известный путешественник Норов, посетивший Фивы в 1835 году, обойдя кругом остатки созданных Семнутом для богини Гатор и Амона храмин, так описывает то, что представилось его глазам: «Когда вы следуете главным путем между средних колонн и потом выходите из гигантской залы на восток, вам преграждают путь ужасные груды гранитных камней – следы бывшего когда-то землетрясения. Из этой груды гордо возносится обелиск, самый большой и изящнейший из всех существующих обелисков. Другой, ему равный, грянулся поверх всего этого разрушения и великолепно разметан на части⁴. Бросающиеся на глаза колоссальные начертания его победных возгласов, прерванных силою, крепчайшею, чем его гранит, лежат в ужаснейшем смешении вместе с разбитыми изображениями божеств. На каждом камне этих груд видны либо иероглиф, либо голова и члены какого-нибудь фараона, военачальника или жреца; вся эта разорванная цепь событий, аллегорий, мистических речей разбросана, как типографские буквы или клоки листов гениального творения. Кто соберет эти буквы или листы?

Никогда не изгладится во мне впечатление этого необъятного разрушения, – говорит далее Норов, – я долго не шел далее; и, усевшись на огромной перекладине обелиска, глядел поверх обрушенных стен Амонова храма на необъятную перспективу его ста тридцати шести стоящих колонн. Какой карандаш, какое перо изобразят это невообразимое зрелище!...»⁵

А что же было тогда, когда все эти поразительные чудеса творческого гения любимца Хатазу во всем своем потрясающем величии предстали пред очарованным взором царицы, когда она возвратилась из своего путешествия в Мемфис!

– О великий из великих! – сказала она, восторженно обнимая своего возлюбленного. – В тебе витает дух божественного зодчего вселенной, великого, непостижимого Пта! Недаром еще девочкой я была очарована тобой, мой Горус, зодчий моего блаженства и моей славы!

Взволнованный Семнут молча держал ее в своих объятиях. Хатазу отклонилась и пылливо посмотрела ему в лицо.

– О мой Горус! Что с тобой?! – воскликнула она испуганно. – Твое лицо обличает тебя... ты болен... ты такой изнеможенный, бледный... О, что с тобой!

---

⁴ Это обелиски работы Семнута. – Д. М.

⁵ Не могу не привести здесь другого свидетельства о том, какое потрясающее впечатление «говорящие камни», оставленные нам веками от дивных построек Хатазу и Семнута, произвели на знаменитого египтолога, который первый подслушал «говор камней» Египта, – на Шамполиона: «Je me garderai bien de vouloir rien decrire, – говорит он, – car, ou mes expressions ne vaudraient que la millieme partie de ce qu'on doit dire en parlant de tel objets, ou bien, si j'en traais une faible esquisse, meme fort decolorde, on me prendrait pour un enthousiaste, peut-etre meme pour un fou. Il suffira d'ajouter qu'aucun peuple ancien ni moderne n'a concu l'art de l'architecture sur une echelle aussi large, aussi grandiose, que le fient les vieux egyp-tiens; ils concevaient en hommes de 100 pieds de haut, et l'immagina-tion qui, en Europe, s'elance bien au dessus de nos portiques, s'arrdte et tombe, impuissante au pied des 140 colonnes de la salle hypostile de Karnak...» – Д. М.

– Я устал, царица... моя грудь, мое дыхание, мой мозг – все ослабло во мне, – тихо проговорил Семнут, тяжело дыша. – Мое дыхание упало... – И он закашлялся, схватившись за грудь.

– О! – в отчаянии заломила руки Хатазу. – А что говорят святые отцы, их врачебная наука?

– Не знаю, моя божественная повелительница, – слабо проговорил Семнут.

– Так я спрошу богов! Мне боги ответят... Они скажут, как спасти тебя... Я принесу им в жертву пол-Египта! Я отдам на их храмы все сокровища «священной страны Пунт»! – страстно воскликнула молодая повелительница Египта.

И боги сказали ей, что она должна совершить для спасения своего любимца. Это и был тот подвиг, о котором я упомянул выше и которого не совершил до нее ни один фараон.

Читатель узнает это все из следующего «говора камней».

VI

Душа творца в его творениях

Хатазу, женщина-фараон, «божественная женщина», «великая царица», как она названа на памятнике сановника Пен-Нухеба, стоит коленопреклоненная пред величественной статуей великого Амона, в величавом храме, только что оконченном ее любимцем, гениальным зодчим Семнотом. Царица одна в храме. Она просит верховного бога стовратных Фив сказать ей своим божественным глаголом, чем может она возратить здоровье и полное дыхание груди тому, кто создал этот храм, подобного которому еще не видали боги Египта. Царица молится долго. Горькие слезы ее неслышно падают на гранитный пол храма. Тихотихо в уединенном святилище, а только издали доносится гул жизни ее стовратной столицы.

Вдруг где-то вдали, в воздухе, послышались слабые металлические звуки. Это была тихая мелодия священных систров.

При этих звуках Хатазу в благоговейном экстазе упала ниц. Звуки систров приближались все более и более. Казалось, они исходили из головы Амона. Но вот чуть слышно прозвучала человеческая речь. Это был глагол божества.

– Я возвращу полноту дыхания груди моему зодчему, – говорил таинственный голос, к которому трепетно прислушивалась молодая царица. – Я возвращу силу его мышцам, когда он откроет неведомую божественную страну Пунт – царство ладана и благовоний – и когда божественная земля Пунт принесет мне свои сокровища, а тебе, дочь моя, – славу.

Голос умолк. Звуки систров, как бы отлетая все далее и далее, точно растаяли в воздухе. Хатазу встала совершенно просветленная.

Теперь пусть говорят камни. В уцелевших развалинах храма Амона, о которых говорилось в пятом моем рассказе и которые своею величавостью так поразили Шамполиона и Норова и доселе поражают и подавляют путешественника, попавшего в Фивы, – на уцелевших от землетрясения стенах этого храма изображена в лицах и с разговором камней вся экспедиция в божественную землю Пунт. Это поистине что-то сказочное! Морское путешествие почти за пять тысяч лет до наших дней! И это путешествие совершил все тот же Колумб Египта – необыкновенный Семнут, и он же потом все это изобразил на стенах созданного им дивного храма.

Для дальнего и трудного путешествия в неведомую «страну бальзама», говорит историк фараонов, женщина-фараон приказала снарядить на берегу «моря Секот» (Чермное море) значительное количество морских кораблей, снабженных испытанным в плаваниях экипажем и сильным десантным войском. Во главе экспедиции – Семнут, облеченный званием посла фараонов. В свиту его поступили знатные сановники двора царицы. И вот экспедиция в пути.

Камни не говорят, сколько времени носилась эскадра женщины-фараона по неведомым морям. Они говорят только, что великий Амон благополучно привел корабли к берегу «ладонной горы ступенями», то есть террасами. Полагают, что это было вблизи мыса Гвардафуй, который у Страбона значится под именем «Аромата Акрон». Экспедиция – у цели плавания. Но что это за невиданная страна, невиданные люди! Перед изумленными глазами Семнута вставало чудо за чудом, видение за видением. На берегу робко показываются странные обитатели «божественной страны ладана». И обстановка их жизни такая странная, невиданная. Маленькие куполообразные хижины их торчат на сваях, словно гнезда диковинных птиц. Ход в эти птичьи жилища по приставным лестницам. Но над этими людскими гнездами высятся гигантские кокосовые пальмы, отягченные плодами, и тут же – роскошные деревья, дающие благовонную смолу, запах которой так угоден божественному носу Амона и всех богов Египта. По деревьям порхают невиданные птицы. Тут же пасутся стада превосходного рогатого скота. Сущий рай! И все это изображено на стене храма.

А вот и «говор камней» в переводе иероглифов на наш язык:

«Прибыл царский посланный с воинами, которые его сопровождали. Каждый из князей страны Пунт приближается с богатыми и ценными дарами в знак почитания святости богини Гатор, госпожи Пунт, которой живой лик есть царица Хатазу-Хашон-Макара».

И на стене изображено: Семнут в сопровождении воинов принимает золотые цепи, кольца, топоры и мечи. И подписано: «Это подарки князя Пунт, Париху, который в сопровождении супруги своей, Арии... (иероглиф испорчен – разобрать нельзя), своих двух молодых сыновей и своей молодой дочери кланяется, подняв свои руки, царскому посланному».

Княгиня сидит на осле. Эта «красавица» – толстое безобразное чудовище.

А под всю эту картину подпись (это говорят камни): «Пришли князья страны Пунт; они преклонились, приветствуя воинов царицы. Они восхваляют царя богов, Амона-Ра».

Далее камни говорят, что князья земли Пунт выражали свое удивление, как могли чужеземцы достигнуть такой далекой и неизвестной страны. Меня же лично удивляет вот что: египетскому путешественнику, больному Семнута, в этой далекой стране счастливо сошло с рук то, что в наше время кончилось так неблагоприятно для нашего «вольного казака», ныне умолкнувшего Ашинова...

Еще дальше камни говорят, что черные князья «ладанной страны» просили Семнута ходатайствовать о том, чтобы царица Хатазу, могущественная госпожа Египта, даровала им мир и свободу. И они действительно получили и то и другое с обязательством признать над собою власть царицы египетской и платить ей дань произведениями своей земли, в особенности же благовонными курениями.

На стене изображено, как воины Семнута разбивают на берегу моря свой лагерь. И вот камни говорят:

«Разбит был палаточный лагерь царского посланника и воинов его в стране бальзамовой горы ступенями в земле Пунт, при берегу великого моря, дабы принять князей этой земли. Предложены были им хлеб, мед, вино, мясо, сушеные плоды и всякое другое из страны Томера⁶ так, как приказано было от царского двора».

И вот главный князь земли Пунт, Париху, и его безобразная супруга «приносят дань к берегу великого моря». Перед палаткой Семнута виднеются золотые кольца, слоновьи клыки и драгоценная, благоуханная смола – целая куча смолы! Тут же обремененные ношею обитатели страны Пунт и погонщики ослов, ведущие их нагруженными разными произведениями земли; к палаткам гонят стада скота.

Мало того. Туземцы несут на своих плечах огромные кадки с посаженными в них ладанными деревьями. Всех кадок – тридцать одна. Деревья предназначены для пересадки в Египте. И это делают дикари! Кадки так тяжелы, что каждую из них несут шесть человек. Идет работа корабельщиков и туземцев по погрузке на корабль всего этого добра. А камни продолжают говорить:

«Тяжело нагружаются корабли чудными произведениями земли Пунт, разным поделочным лесом божественной земли, гудами благоуханной смолы, живыми ладанными деревьями, предметами из черного дерева и слоновьи кости, обделанными в чистое золото земли Аму, солодковым корнем, деревом хесит, курением ахем, священной смолой, сурьмой для глаз (для красавиц Египта), обезьянами с головою собаки (кинокефалами), мартышками, борзыми собаками, пантеровыми шкурами, и размещаются жители земли Пунт с их детьми. Никогда ничего подобного не привозилось ни к одному из фараонов с того времени, как стоит свет».

Эскадра Семнута покидает страну Пунт. Корабли идут под парусами и на веслах. На палубах – кадки с ладанными деревьями и разными тюками и ящиками. Обезьяны свободно прыгают и лазают по кораблям для потехи экипажа. Камни снова говорят:

---

⁶ Египет. – Д. М.

«Воины властелина идут на корабли, счастливо возвращаются, идут по пути к Фивам в радости сердца. С ними князья земли той. То, что несут они с собою, никогда не приносилось никакому другому фараону».

И вот Семнут в Фивах. Он сильно загорел, что очень возвышает его мужественную красоту. Он отдохнул во время путешествия. Легкие его дышат свободнее. Морской воздух укрепил его. Верховный жрец Амона, плут из плутов, но хорошо изучивший анатомию человеческого тела на изготовлении мумий, отлично понял болезнь Семнута: гениальный зодчий надорвался над своими титаническими сооружениями, – и плут-жрец, глаголом якобы Амона, послал его в морскую экспедицию для обогащения храма Амона, то есть ненасытных жрецов. Хатазу блаженствует.

– О мой Горус, зодчий моего блаженства! Великий Амон внял моим молениям, моим слезам!

Камни говорят о торжественном приеме князей божественной земли. Женщина-фараон на троне. На ней царское одеяние. Князья земли Пунт лежат перед нею ниц. Носы их касаются подножия трона.

– Ты, царица Томеры, – светящееся солнце! – говорят они. – Ты владычица страны Пунт, и мы – подданные твоего святейшества.

После приема князей женщина-фараон в полном царском облачении идет в храм Амона. На плечах ее «шкура пантеры с золотыми скрижалями». Она приносит верховному богу благодарения и сокровища далекой южной страны. К стопам божества повергнуты все привезенные из божественной земли Пунт сокровища. Ладанные деревья из кадок пересаживаются в грунт. Все приносится божеству, за которым скрываются ловкие игроки на сердечных струнах невежества – жрецы: живые жирафы, пантеры, быки, шкуры пантер, золото, медь, черное и другие поделочные деревья, брусья Аму, слоновая кость, сурьма для глаз, груды благовонной смолы – все это нужно великому богу, даже сурьма для подкрашивания глаз!

На стене храма изображены весы. Камни говорят: «Истинные и точные весы бога Тута, которые царица велела приготовить для отца своего, фиванского Амона, чтобы вешать серебро, золото, синие камни, зеленые камни и другие дорогие камни».

Юный брат властолюбивой царицы, Тутмес III, которого Хатазу держала в загоне, также приносит жертву Амону перед его священной лодкой, торжественно несомой на плечах жрецами. Жертва юного царевича очень скромна: кроме ладана, он ничего не мог дать богу, потому что сестрица все отняла у него, но только до поры до времени. Подобно царевичу Петру Алексеевичу, которого затирала собою честолюбивая сестрица, но который рожден был для великих дел, так и загнанный в юности Тутмес III показал впоследствии, что и он предназначен был Амоном для великих дел, конечно, с точки зрения фараонов.

Но даже великий Амон оказался бессильным против чахотки, которая медленно подтачивала любимца Хатазу – Семнута. Морское путешествие только на время возвратило ему силы. Через год недуг его развился.

Пораженная горем, Хатазу снова прибегла к Амону. На этот раз мольбы ее были еще пламеннее, слезы – еще жгучее.

– О мой отец! – плакала она в уединении величественного храма. – Что должна совершить я, рыдающая дочь твоя, чтобы снова возвратить полное дыхание груди твоему великому зодчему?

Тихая мелодия священных систров возвестила о приближении божества.

– Не рыдай, дочь моя, – послышался голос Амона, – не рыдай, а радуйся.

Эти слова верховного бога поразили царицу.

– Мне ли радоваться, отец мой, когда радость души моей отходит от меня в область Озириса, в подземный мир!.. – воскликнула она, ломая руки.

– Нет, дочь моя, – снова проговорил Амон, – душа моего зодчего вся перешла в его творение – в мой дом, который ты, его руками и кровью его сердца, соорудила для меня. В этом храме вечно будет обитать душа того, кто на земле носит имя Семнута: душу свою он сам вложил в свои творения.

– Но я, отец мой! Что будет со мною?

– Твою душу я соединю с его душою, и вы вместе будете жить в этом храме вечно.

Камни не говорят, исполнил ли великий Амон то, что обещал. Может быть, души женщины-фараона и ее любимца, Семнута, витают теперь вместе над величавыми развалинами того, что ими было создано; но в каком музее – в Британском ли, в Лувре или в каирском – покоятся их мумии, или же время обратило их в пыль и в удобрение полей Карнака, – об этом камни молчат. Но Амон сказал правду: душа творца – в его творениях.

VII

Древнейший в мире роман

В каирском музее среди разных саркофагов фараонов и мумий любопытство мое было затронуто одной небольшой гранитной плитой, на которой изображена была богиня Гатор с обычной головой коровы, а около нее два египтянина – один с правой стороны с цветком лотоса в руке, а другой – с левой, униженно распростертый на земле; у ног же богини лежал крокодил с разверстою пастью.

Я спросил своего любезного проводника-грека, одного из младших смотрителей музея, что означает эта картина.

– О, это древнейший в мире писанный роман, – отвечал словоохотливый грек.

И он сообщил мне древнее сказание, которое некоторые египтологи считают чем-то вроде первоисточника истории, в библейском пересказе, об Иосифе и жене сановника Путифара или, по-библейски, Пентефрия.

Оказалось, что я раньше знал это интересное сказание, прочитав его в некоторых сочинениях о Египте. То, что я видел в изображении на камне каирского музея, подробно изложено в знаменитом папирусе, открытом ученым Orbiney, именем которого называется и сам папирус – «Papyrus d'Orbiney». Он находится в Британском музее, и факсимиле его было издано в Лондоне.

Вот содержание этого сказания в буквальном переводе ученых Гудвина и виконта де Руже.

Очень давно, ранее, может быть, фараона Хеопса и, во всяком случае, на целые тысячелетия раньше известной нам женщины-фараона Хатазу, Тутмесов и Рамзесов, жили два брата египтянина. Старшего звали Анепу, а младшего – Бата. Старший был женат. Судя по всему, египтянка, жена его, была так же влюбчива, как и жена сановника Путифара, хотя принадлежала к семейству простых крестьян, возделывавших свое поле. Бата, скромный мальчик, давно, по-видимому, уязвил сердце красавицы, хотя в наивности своей и не подозревал этого.

Однажды братья поехали в поле, и у них не хватило семян для посева.

– Ступай скорей и принеси семян из деревни, – сказал старший брат младшему.

Бата тотчас же исполнил приказание брата. Придя домой, он увидел, что жена его брата заплетает волосы.

– Встань, – сказал Бата красавице, – дай мне семян, чтобы я возвратился на поле, ибо так наказывал мне старший брат, чтобы я возвратился не мешкая.

– Войди, – отвечала ему красавица, – отвори ларь, и возьми, сколько сердце твое желает; у меня же, если я пойду, как бы не распустились волосы.

И вошел юноша в кладовую, говорит сказание, и взял оттуда большой сосуд, ибо желание его было много понести семян. И он взял на себя зерно и семена дурры и вышел с ними.

Вот тут и начинается «флиртешен» египтянки за шесть, может быть, тысяч лет до наших дней.

– Как велика тяжесть на руке твоей? – издали спросила кокетка.

– Две меры дурры и три меры пшеницы составляют вместе пять мер, кои лежат на руках моих, – отвечал богатырь в простоте души своей.

– Велика сила твоя, – проговорила соблазнительница и, конечно, стрельнула в простоватого молодца своими египетскими глазищами. – Давно смотрела я на силу твою во всякое время.

И сердце ее познало его, говорит сказание, она встала и обняла его.

– Дай нам насладиться часом покоя, – прошептала чаровница. – Хорошо тебе будет, ибо я приготовлю тебе одежду праздничную.

Тогда, говорит сказание, уподобился юноша пантере страны полуденной от внутреннего гнева по поводу дурных слов, которые она к нему говорила; она же испугалась выше всякой меры. И он говорит к ней, сказав:

– Ты, о женщина! Ты была мне как мать, и муж твой был мне как отец, ибо он старше меня, так что он мог бы быть моим родителем. Зачем такой большой грех был мне сказан? Не говори мне таких слов в другой раз, ибо в этот раз я ничего не скажу, и ни одно слово об этом не выйдет из уст моих кому бы то ни было.

И он навьючил на себя свою ношу и пошел на поле. И подошел он к старшему брату своему, и они совершили работу дня. Когда же настал вечер, тогда возвратился старший брат в жилище свое. И младший брат его шел за быками, которых он навьючил разными хорошими вещами поля и гнал их перед собою, чтобы приготовить им подстилку в их хлеве в деревне.

И вот жена старшего брата, продолжает сказание, боясь за слово, сказанное ею, взяла кувшин жиру, и она была, как некто, которому злодей сделал насилие, желая сказать своему мужу: твой младший брат сделал мне насилие.

И муж ее возвратился вечером, как обыкновенно он делал каждый день, и вошел в дом свой и нашел жену свою, лежавшую в припадке дурноты. Она не подала воды на руку его, как обыкновенно. И светильник не был зажжен, так что дом был в темноте. Она же лежала и ее рвало. И муж ее говорил ей так:

– Кто имел дело с тобой? Встань!

Она же сказала ему:

– Никто не имел дела со мной, кроме твоего младшего брата, ибо когда он пришел, чтобы взять семян для тебя, то он нашел меня сидящею одну и говорил мне: «Давай повеселимся один час на покое, – распусти свои волосы». Так он говорил мне, я же не послушала его, а сказала: смотри, не мать ли я тебе (хороша мамаша!) и старший брат твой не как отец ли для тебя? – так говорила я ему, он же не переставал говорить и сделал мне насилие, дабы я тебе не сказала этого. Ныне же, если ты его оставишь в живых, то я сама себя убью.

Каково!.. И тут сказала Ева.

Анепу пришел в ярость и порешил убить брата.

Но за добродетельного Бату вступились боги, а именно богиня любви Гатор. Она вселилась в одну из коров, которых Бата, ничего не подозревавший, загонял в хлев.

– Добродетельный Бата, – сказала корова человеческим голосом и словами, – спасайся! Жена твоего старшего брата наговорила на тебя мужу, будто ты нанес оскорбление ее целомудрию, воспользовавшись силою своею, а ее слабостью, и твой старший брат хочет убить тебя. Для твоей же молодости не приготовлено еще жилище в загробном мире великого Озириса. Беги от брата.

И юноша бежал.

Узнав об этом, Анепу пускается в погоню за братом. Он убежден, что коварная жена сказала правду. В руках у него нож, а Бата совсем безоружен. Он напрягает все усилия, чтобы спастись от неминуемой смерти, но силы, растроченные им за день, особенно при переноске в поле тяжелой ноши, оставляют его. Расстояние между им и гневным братом все уменьшается.

– О великая Гатор! – в отчаянии восклицает он. – Спаси меня... Для того ли ты повелела мне бежать, чтобы сильнее возбудить подозрение брата моего и быть убитым вдали от дома моего?

Вдруг – о чудо! – он слышит за собою необычный шум и плеск воды.

Он оглядывается и видит: между ним и братом мгновенно образовался глубокий и бурный поток, и в нем полно страшных крокодилов... Брат его в ужасе остановился.

– О великая, милостивая Гатор! – восклицает Бата и в благодарном умилении повергается на землю.

Долго он лежал, молясь дорогой богине, а брат его, стоя на другом берегу потока, громко призывал злых богов, служителей страшного Сета, чтобы они помогли ему совершить месть.

Бата наконец поднялся.

– Брат мой, отец мой, выслушай меня! – горячо проговорил он. – Я не обижал твоей жены. Когда по твоему приказанию я пришел с поля в дом наш, я нашел твою жену заплетавшею волосы свои. И я сказал ей: «Встань, дай мне семян, чтобы я возвратился в поле, ибо так наказывал мне старший брат мой, чтобы я возвратился не мешкая». И она сказала мне: «Войди, отвори ларь и возьми, сколько сердце твое желает; у меня же, если я пойду, как бы не распустились волосы». И вошел я в кладовую, и взял оттуда большой сосуд, ибо желание мое было много понести семян. И я взял на себя зерно и семена дурры и вышел с ними. Тогда жена твоя сказала мне: «Как велика тяжесть на руке твоей?» И я ответил ей: «Две меры дурры и три меры пшеницы составляют вместе пять мер, кои лежат на руках моих». Так я говорил ей. Она же говорила мне, сказавши мне так: «Велика сила твоя; давно смотрела я на силу твою во всякое время». И она встала и обняла меня, говоря мне: «Дай нам насладиться часом покоя; хорошо тебе будет, ибо я приготовлю тебе одежду праздничную». Тогда уподобился я пантере страны полуденной от внутреннего гнева по поводу дурных слов, которые она ко мне говорила; она же испугалась выше всякой меры. И я говорил к ней, сказав: «Ты, о женщина! Ты была мне как мать и муж твой был мне как отец, ибо он старше меня, так что он мог бы быть моим родителем. Зачем такой большой грех был мне сказан? Не говори мне таких слов в другой раз, ибо в этот раз я ничего не скажу, и ни одно слово об этом не выйдет из уст моих кому бы то ни было». И я навьючил на себя свою ношу и пошел на поле. И подошел я к тебе, и мы совершили работу дня. Когда же настал вечер, тогда ты возвратился в жилище свое. Я же шел за быками, которых навьючил разными хорошими вещами поля и гнал их перед собою, чтобы приготовить им подстилку в их хлеве в деревне. Но едва я вошел в хлев, как мне явилась добрая и великая богиня Гатор в образе нашей черной коровы, и она сказала мне человеческим голосом и словами: «Добродетельный Бата, – так говорила богиня, – спасайся! Жена твоего старшего брата наговорила на тебя мужу, будто ты нанес оскорбление ее целомудрию, воспользовавшись силою своею, а ее слабостью, и твой старший брат хочет убить тебя. Для твоей же молодости, – так говорила Гатор, – не приготовлено еще жилище в загробном мире великого Озириса. Беги от брата». И я бежал. Но когда я увидел, что ты гонишься за мною с ножом и уже настагаешь меня, я упал на колени и обратился к великой Гатор с такими словами: «О великая Гатор! Спаси меня. Для того ли ты повелела мне бежать, чтобы сильнее возбудить подозрения брата моего и быть убитым вдали от дома моего?» И тогда богиня бросила между мною и тобою этот поток с крокодилами, чтобы не совершилось братоубийство. Теперь ты все знаешь, и я более ничего не скажу тебе.

Тогда заговорил старший брат.

– Кому же мне верить? – сказал он. – Тебе или жене? Жена говорит на тебя, а ты на жену. Ты здоров, а она теперь больна – с нею дурнота.

Тогда заговорил младший брат.

– Чтобы ты поверил мне, – сказал он, – брось сюда через поток нож твой. И тогда ты поверишь мне.

– Но если я брошу тебе нож мой, – возразил старший брат, – то тогда ты меня зарежешь.

– Нет, – отвечал Бата, – между мною и тобою поток и крокодилы.

Тогда Анепу перебросил через поток нож свой. Бата же, взяв нож, совершил над собою то, отчего он перестал быть мужчиной.

Тогда Анепу поверил ему.

– Я верю тебе, младший брат мой, – сказал он, – но зачем ты совершил такое зло над собою?

– Для того, чтобы ты всегда мне верил и не боялся за жену свою, – отвечал Бата.

– Нет! – воскликнул Анепу. – Теперь я потерял веру в жену свою, и она не должна жить. В это мгновение и поток и крокодилы исчезли.

Анепу, бросившись к брату, обнял его и долго плакал над ним. Потом братья, примиренные, воротились домой, и Анепу, убив вероломную жену, тело ее отдал собакам.

Сознавая вину свою перед братом, равно как и перед богиней Гатор, Анепу заказал искусному резчику-скульптору вырезать на гранитной доске ту группу, которую я видел в каирском музее: богиня Гатор с головою коровы, а перед нею – Бата, подносящий ей цветок лотоса, и Анепу – кающийся, распростертый на земле перед самой пастью крокодила.

Сказание об Анепу и Бата я назвал «древнейшим в мире романом» потому, что не только знаменитые индийские поэмы Махабхарата и Рамаяна написаны после этого сказания, и притом тысячелетиями позже, но и такие письменные памятники, как Веды, Зенд-Авеста, Шукинг и Библия и те явились на свет многими столетиями после того, как сказание об Анепу и Бата ходило уже в рукописи по рукам египетских жрецов и их ученых, а гранитная стела с кающимся Анепу давно стояла в мемфисском храме богини Гатор с головою коровы и пугала своим содержанием прекрасных, но вероломных египтянок вроде жены Пентефрия.

VIII

Любовь фараона

Я намерен рассказать здесь небольшой эпизод из жизни одного из могущественнейших владык Древнего Египта, фараона Тутмеса III, любовь которого к одной юной египтянке заставила его совершить невероятные подвиги, сделавшие имя его страшным всему тогдашнему миру. Многих потоков крови стоил человечеству сердечный роман этого фараона!

«После этого великого государя (как называет его историк), царствовавшего почти 54 года, остался целый мир памятников».

Целый мир памятников: и все это камни, говорящие камни...

«Начиная от обширного храма, – продолжает историк, – до маленького жука-скарабея, на которых начертано имя Тутмеса III, число документов этого царствования просто неисчислимо. История его времени, богатая свидетелями событий в виде разнообразнейших произведений искусства, представляет нам Египет, сделавшийся средоточием тогдашнего мира вследствие и военного преобладания над этим миром, и оживленной торговли, и открывает нам неожиданные новые картины прошедшего и яркие картины жизни народов древнейшего мира».

И все это совершила любовь, заброшенная в пылкое африканское сердце фараона жгучими глазками такой же, как он, пылкой африканки.

Страсть заполонила сердце фараона при самом его вступлении на престол Верхнего и Нижнего Египта.

Юный Тутмес III, удаленный из тогдашней столицы, из стовратных Фив, честолюбивой сестрой, женщиной-фараоном, Хатазу, с которой я познакомил читателя в пятом и шестом из этих рассказов, жил в изгнании, вдали от двора своих предков, и только по достижении совершеннолетия явился в Фивы полновластным владыкой.

По совершении всех обрядов венчания на царство Тутмес, сопровождаемый высшими сановниками, вступил в главное святилище храма Амона-Ра, где должен был почтить жертвою «живущего бога» – Аписа. Едва он преклонил колени перед изображением божества, как из внутреннего святилища храма донеслось торжественное пение священных гимнов.

– Бог идет... Бог идет... Великий живущий Гапи шествует, – послышался сдержанный шепот среди сановников.

Вскоре широко распахнулись громадные пелены завесы из дорогого белого виссона, и там показался священный бык. Перед ним выступал верховный жрец и воскурял в честь этого бога благоухания «священной страны Пунт». Несколько впереди шла смугленькая девочка ослепительной красоты и держала в одной руке небольшой сноп свежей, только что налившейся пшеницы с сочными колосьями, а в другой – золотой серп. За Аписом двигалась процессия жрецов со священными лодками на плечах и опахалами из страусовых перьев. В лодках находились изображения божеств Египта.

При виде девочки-жрицы со снопом и серпом в руках Тутмесу показалось, что его осиял небесный свет, который томительно-сладким огнем проник ему в душу. Ничего подобного до этой минуты он не видал и не испытывал. Находясь в изгнании, в одном из городов дельты Нила, в Буто, воспитываемый жрецами в храме бога Горуса, юный фараон до самого совершеннолетия своего не видал ни одной женщины. И вдруг перед ним такая, как ему показалось, неземная красота!.. Что это? Откуда оно?.. Царственный юноша совсем растерялся. Он даже робко попятился назад.

Верховный жрец, лукавый старик, сразу заметил это, и тут же в коварном его уме возник и созрел план – сделать юного фараона слепым орудием хитрой жреческой касты.

Апис между тем, проголодавшийся еще с вечера, потому что с самого вечера жрецы не давали ему корм, чтобы он был послушнее в предстоявшей торжественной процессии, все время не спускал своих добродушных глаз с лакомого снопа пшеницы и теперь протянул было к нему морду, но лукавый старик жрец прямо к этой самой морде бога поднес курения, которых бык терпеть не мог, и тем остановил проголодавшегося бога.

– Царь Тутмес, солнце Египта, – да светит оно вечно! – принеси жертву великому Гапи, вечно живущему! – торжественно возгласил он. – Возьми священный серп из рук невинной отроковицы.

Тутмес повиновался. Дрожавшей рукой он взял серп из руки прелестной девочки и, срезывая этим серпом несколько колосьев из снопа, протянутого к нему юной жрицей, встретился с ее глазами: что это были за глаза! Верховный жрец видел, как юноша-фараон побледнел при этом.

«Он наш!» – мелькнуло в уме лукавого старика.

Тутмес, срезав дрожавшею рукой несколько колосьев и преклонив колени, подал их Апису. Рогатый бог стал жадно жевать их, добрыми, благодарными глазами поглядывая на царственного юношу. Радостный, хотя сдержанный шепот пронесся между сановниками:

– Бог принял жертву... Великий Гапи оказал благоволение новому фараону... Слава великому Гапи, вечно живущему!

Девочка-жрица между тем повернулась лицом к внутреннему святилищу. Повернулся за нею и Апис, не спуская глаз с лакомого снопа. Он удалялся в свое святилище, попросту в богатое свое стойло, украшенное резьбой даровитого Семнута, зная, что там ожидает его обильный корм из пшеницы и отборных зерен дурры.

Когда прелестное личико девочки-жрицы скрылось за пеленами завесы, Тутмесу показалось, что угасло солнце. Ничего не помня и не видя, что потом совершалось в храме, не слыша и не вникая священным гимнам жрецов, юный фараон автоматически исполнял все, что требовал от него «верховный святой отец»: его глаза, ослепленные красотой юной жрицы, мысль и сердце были там, за этой таинственной завесой, куда скрылось ослепившее его солнце.

Он опомнился только тогда, когда храм опустел и около него остался один только верховный жрец.

– Сын мой, царь Тутмес, солнце Египта, – сказал старик, подводя его к массивному изображению Изиды, – я оставляю тебя одного с матерью богов. Вопросы ее, какой жизненный путь она укажет тебе, и свято следуй ее указаниям. Да благословят тебя боги!

И жрец удалился, оставив юного фараона перед немой бронзовой статуей с открытыми глазами и ртом. Тутмесу стало страшно, и он упал ниц перед таинственным божеством.

– О великая мать богов! – чуть слышно простонал он. – Укажи мне путь моей жизни.

Тихо в обширном храме, так тихо, что Тутмес может считать удары своего взволнованного сердца. Но вдруг в эту тишину как бы вливаются откуда-то издали, из воздуха, чуть слышные мелодические звуки. Звуки все ближе и ближе. Это звуки систров – отголоски божества. Божество приближается... Оно тут... Изиды говорит... Тутмес затрепетал весь от голоса божества... Что это за голос! – это музыка неба! – это голос ребенка, девочки!..

– Я, мать богов, сама снизошла к тебе, – говорил этот чарующий голосок. – Ты видел меня сегодня, о Тутмес! Я явилась к тебе, впереди великого Гапи, в образе девочки-жрицы со священным снопом в руке... Я вошла в твою душу и в душу той священной девочки... Я соединю навеки ваши души и ваши тела, если только ты, о Тутмес, исполнишь завет мой.

– Исполню! Исполню! – простонал очарованный фараон. – Говори!

В нем проснулся его бурный африканский темперамент, все безумие первой страсти. Он готов отдать вселенную, чтобы только вновь увидеть ту, со снопом в руке, только увидеть, а ему обещают соединить ее с ним навеки!.. Есть отчего с ума сойти...

– Говори! Говори! – стонал юный безумец.

– Внемли мне, о Тутмес! – продолжал тот же дивный голосок. – Меня не хотят знать народы севера, востока и юга... Твоя сестра, царица Хатазу, выпустила из своих рук карающий меч Египта – меч бога Монту... Возьми этот меч в руку твою, и пусть вновь преклонятся пред лицом моим все народы севера, востока и юга и принесут мне дань земли своей. Тогда я отдам тебе ту, которая силою моей пронзила душу твою... Не медли, о Тутмес!

Дивный голос умолк. Звуки систров, все более и более удаляясь, казалось, растаяли в воздухе.

Тутмес встал, шатаясь. Перед ним стояла та... божественная девочка... Она улыбалась... «О мой Тутмес!.. Мой супруг, мой повелитель...»

Тутмес протянул было руки... Но девочка исчезла, как видение... на ее месте стоял верховный жрец.

Тутмес на походе. Он уже прошел со своим многочисленным войском пустынный перешийек, отделявший Египет от Азии, и приближается к знаменитой крепости Мегиддо, в нынешней Палестине. Там его ждали войска царя Кадеша, который, говорят камни, «собрал к себе царей всех народов, живущих против вод египетских до земли Нахараин (Месопотамия)».

Надписи на стенах храма Амона, где Тутмесу явилась Изида в образе девочки, говорят далее:

«Царь (Тутмес) стоял на медной колеснице. Он был как Горус-поражатель, господин силы, и как Монту, господин Фив. Рог (фланг) воинов его находился у южной горы при ручье Кина; северный рог – к северо-западу от Мегиддо. Царь – в середине между ними, и бог Амон-Ра подле него.

Тогда затрепетали презренные цари Востока. Тогда овладел ими царь Тутмес перед своими воинами. Они удивлялись царю. Тогда побежали презренные цари к Мегиддо, – в лице их ужас, – и покинули коней своих и золотые свои и серебряные колесницы, и их подняли на одеждах их, как на веревках, на стены этого города, ибо город был заперт страха ради деяний царя Тутмеса.

Пока их втаскивали на стены города на одеждах их – о, если бы воины царя не отдали себя желанию взять в добычу вещи врагов, то и презренные цари и Мегиддо взяты были бы в тот же час. Ибо подняты были презренный царь Кадета и презренный царь Мегиддо так, что они ускользнули и вошли в город.

И разгневался фараон.

И его венец одолел презренных царей. Тогда взяты были в добычу их кони, их золотые и серебряные колесницы, которые изготовлялись в земле Асебии (остров Кипр). Они бились, лежа в куче, как рыбы на суше. Храбрые отряды воинов фараона пересчитали вещи их. И вот взята была палатка презренного царя и в ней его сын. И подняли воины разом крик радости и почтили Амона, господина Фив, который дал победу сыну твоему Тутмесу. И они принесли пред царя добычу, взятую ими: живых пленных, кобылиц, колесницы, золото и серебро и всякие вещи...»

Далее камни говорят: «Тогда пришли цари этой страны вместе с детьми своими, чтобы преклониться пред царем и умолить дать дыхание ноздрям их, вследствие силы руки его и вследствие величия духа его. И подошли дети царей пред фараона и поднесли дары их: серебро и золото, синие камни и зеленые камни, и принесли пшеницу, вино в мехах и плоды для воинов царя, так как каждый из народа китти (хеттеяне) принял участие в этом подвозе припасов ради возврата их на родину. И простил фараон чужеземных царей».

На стене храма, где таинственная девочка пленила Тутмеса своей красотой и мелодическим голоском, перечислена добыча, взятая им по повелению этой подставной Изиды: 3401 живой пленный, 2041 кобылица, 191 жеребенок, 1 колесница, обитая золотом, и кузов из золота – враждебного царя, 31 колесница царей, обитая золотом, 892 колесницы презренных

их воинов, 1 прекрасный железный панцирь царя Мегиддо, 200 броней их презренных воинов, 602 лука, 7 палаточных столбов, обитых золотом, бесчисленное множество быков и коров, 2000 молодых козочек, 20 500 белых коз.

Но это только ничтожная часть добычи, которую влюбленный фараон повергнул к маленьким ножкам своего прелестного божества – своей Изидочки с хорошенькой плотью и пламенной кровью. Далее камни говорят о тех пленных царях и их подданных, которые отдали себя фараону на его милость (число пленных царей время стерло с камней храма): 39 благородных людей, 87 царских детей, 1596 рабов и рабынь с их детьми, 103 отдавшихся фараону от голода.

А другая добыча: драгоценные камни кучами, золотые блюда, утварь, мечи, 1784 фунта золотых колец, 966 фунтов серебряных колец (серебро тогда было редкостью!), статуя с золотой головой, выложенные золотом жезлы из слоновой кости с золотыми головами, шесть тронов, шесть столов, осыпанных золотом и драгоценными камнями, царский жезл-скипетр, весь из золота, плуг, выложенный золотом, группа царских семейных статуй с золотыми головами, 28 тысяч осьмин зерна, лазоревые камни и золото, золото без конца!.. Сто фунтов веса одно золотое копьё! Для чего оно? Одного золота в кольцах и кусками я насчитал около 1000 пудов!

Но вот курьез: в числе даней, принесенных Тутмесу жителями Лиманопа (Ливан), показаны «две неизвестные породы птиц и два гуся. Эти были приятны царю более всего прочего», добавляет надпись.

Можно из этого заключить, что в Египте гусей не знали, и влюбленный фараон редкими птицами хотел особенно угодить своему маленькому божеству с ясными детскими глазками.

Трудно было бы перечислить все битвы и победы Тутмеса III, одержанные им для того, чтобы завоевать любовь маленькой чаровницы Изидочки, водившей за нос, по инструкции верховного жреца, влюбленного фараона; но я не могу обойти молчанием характерного и наивного рассказа, прочитанного знаменитым египтологом Эберсом на гранитных плитах гробницы военачальника Тутмеса III – Аменемхиба⁷.

«Я служил царю моему, господину, в походах его в земли севера и юга, – говорит о себе Аменемхиб. – Он хотел, чтобы я стоял при нем. И я сражался врукопашную противу народа этой страны Негеб. Я увел трех взрослых аму живыми пленными.

Опять участвовал я в рукопашном бою в походе против народа высокой плоскости Уан, к западу от земли Халибу (к северу от Целе-Сирии). Я взял в плен 13 аму живыми, 70 живых ослов и 13 железных, золотом выложенных копий.

Опять сражался я врукопашную в том походе противу народа страны Карикаимеша (Киликия). Я увел несколько жителей живыми пленными. Я прошел вброд через воду страны Нахараин, пока они были в руке моей, не упустив их. Я привел их пред царя. Он наградил меня богатым даром.

И опять принадлежа к его слугам, я удивлялся его храбрости. Взят был Кадеш (знаменитая крепость на р. Оронте). Я не отходил от места, где он был. Я увел из благородных двух мужей живыми пленными и привел их пред царя, господина земли, Тутмеса III, – да живет он вечно! Он подал мне золотой дар за храбрость перед всеми людьми, именно: из чистейшего золота льва, две цепи на шею, два шлема, два кольца.

Опять удивлялся я необыкновенному деянию, совершенному господином земли в стране Ни (Верхняя Сирия). Он охотился на 120 слонов, ради бивней их, на своей колеснице. Я напал на самого большого между ними, который сражался против его святейшества. Я прорезал ему хобот. Еще живой, гнался он за мной. Я вошел в воду и стоял между двух скал.

В то время, когда царь Кадеша выпустил коня с головой... (?)... (точки и вопросительный знак у Эберса; предполагают, что это был или носорог, или бегемот), который бросился в

---

⁷ Dr. Ebers. Thaten und Zeit Tuthmes III. – Д. М.

середины воинов, я тогда побежал за ним пешком, держа меч, и распорол ему брюхо. Я отрезал у него хвост и передал царю. Похвалу получил от божественного за то. Радость, уготованная им, наполнила тело мое, и удовольствие проникло в члены мои».

Но вот победоносный Тутмес, обремененный золотом, пленными, всеми богатствами покоренных народов, возвращается в Фивы, чтобы получить высшую награду от божества – любовь очаровавшей его таинственной девочки, милый образ которой он носил как святыню в своем африканском сердце во всех походах. Сколько он взял в плен прелестных царевен покоренных стран, но ни одна из них не покорила его сердце – оно осталось верным своей первой любви, заревом и пожаром вспыхнувшей в храме Амона-Ра, на очах у великого рогатого бога Гапи...

Камень гробницы Аменемхиба говорит далее его устами в переводе Эберса:

«Я совершал эти битвы, бывши военачальником. Тогда приказал царь, чтобы я был тот, который бы распоряжался парусами на его корабле. И я был первый из окружавших его во время путешествия по реке (Нилу), в честь Амона, во время прекрасного празднества его в Фивах. Жители были в великой радости ради сего...»

Но еще большая радость осенила самого Тутмеса.

Когда он явился в храм Амона, чтобы повергнуть богам в дар добытые им бесчисленные сокровища и принести благодарную жертву Апису, – этот великий рогатый бог вышел к нему, предшествуемый... той же дивной девочкой!.. Но она теперь возмужала, а красота ее стала... ну просто обезумливающей!.. Глаза Тутмеса встретились с ее глазками – и великий завоеватель обезумел...

Он очнулся только тогда, когда в совершенно опустелом храме, перед изображением Изиды, он держал в своих объятиях ту... выросшую девочку!

– Ты кто? – в каком-то опьянении спросил он. – Ты божество?

– Я – Изида, – был ответ шепотом.

Дальше – ничего не слышно: губки богини заняты... Вдруг послышались звуки систра, и медная статуя Изиды прорекла:

– Царь Тутмес! Ты держишь на своем лоне божественное зерно, из которого произрастет твое многочисленное потомство.

Хорошенькое «божественное зерно» оказалось любимой дочуркой хитрого верховного жреца.

IX Фараон-еретик

Из всех царствовавших в Египте, на поражающем воображение пространстве пяти тысяч лет, фараонов, число которых, по свидетельству говорящих камней и Манефона, достигает двухсот, только один проявил себя еретиком по отношению к отечественным богам и дерзал не поклоняться великому Апису.

Это был Аменхотеп IV, сын Аменхотепа III из XVIII династии фараонов.

Полагают, что еретический образ мыслей и еретические мнения фараон этот всосал с молоком матери, царицы Ти. Но откуда она была родом, кто такая – камни об этом молчат.

«По-видимому, – говорит Бругш-бей, историк фараонов, – женитьба Аменхотепа III была супружеством необыкновенным в Египте. Женою его была не царская дочь и не наследница удела из среды родственных ему семейств египтянок, но, по-видимому, следуя влечению своего сердца или вкуса, он избрал женою девицу не царского рода... Это та царица Ти, которая так часто появляется на памятниках этого времени рядом с царем как любимая жена фараона, к которой он был нежно привязан всю жизнь. Какого она была племени, доселе остается загадкой – загадкой, которая едва ли может быть разрешена посредством филологического рассмотрения созвучных имен ее отца и матери (Иуао и Тхуао), но которых родина лежала вне Египта и, быть может, далеко от него. Принадлежали ли они к семитическому племени? Где видел Аменхотеп III свою невесту? Не на охоте ли? Не в походе ли в отдаленной южной, а быть может, и восточной стране? Все эти вопросы остаются без ответа, так как памятники об этом упорно молчат. А между тем с ними связывается другая загадка – загадка о значении и смысле религиозного переворота, совершившегося в последующее царствование».

Судя по многому, что мы увидим ниже, позволительно, однако, спросить: не была ли эта женщина дитя того удивительного по нравственной стойкости племени, той духовно несокрушимой расы, которая впоследствии, через много-много поколений, дала миру Моисея и Христа?

Как бы то ни было, но она воспитала своего сына, будущего фараона, в еретическом духе. Недостаточно почтительное отношение к богам Египта проницательные и ревнивые к своей власти жрецы стали замечать в нем очень рано, когда он был только наследником престола, и потому стали проявлять некоторую враждебность к августейшему нигилисту. За жрецами не замедлили последовать и многие высшие сановники государства, которые не могли не видеть, что всеми фараонами, за спиною богов, помыкали святые отцы, непосредственно получавшие откровения от небожителей и разговаривавшие с самим Аписом на его божественно-бычьем языке. Враждебнее же всех оказались египтянки, так как для женщин жизнь без кукол в виде богини Гатор с коровьей головой, в виде Аписа, ибиса, священных жуков и кошек не имеет смысла.

Но вот фараон-нигилист вступает на престол. Восшествие его на священный трон Верхнего и Нижнего Египта сопровождалось небывалым скандалом, который поразил ужасом всю страну.

Случилось следующее. После всех торжественных церемоний венчания на царство новый фараон, по обычаю, должен был испросить благословения великого Аписа. Аменхотепа сажают на золотой трон, поставленный на богато изукрашенные носилки из слоновой кости и золота, и двенадцать сановников – эрисов, головы которых украшены страусовыми перьями, несут его к храму рогатого бога. Над владыкою Египта, облеченным во все царские доспехи и прикрытым дорогой мантией из виссона-пурпура, высятся изображения Правосудия и Истины, осеняющие его крыльями. У престола золотой сфинкс – эмблема мудрости и лев – эмблема мужества. Кругом – придворные с опахалами. Далее – ряды войск и народ.

Далеко виден царский пурпур! Он так и режет глаза на ярком африканском солнце.

Гремит музыка. Навстречу двигается другая процессия, жреческая, с Аписом во главе. Воздух оглашают священные гимны жрецов.

Процессии более и более сближаются. Процессия фараона останавливается, и Аменхотеп сходит с трона, чтобы встретить великого бога. Ярко сверкнул на солнце пурпур фараона.

Но что это? Священный бык остановился... Кроткие глаза его наливаются кровью... Он нагибает свою массивную с острыми рогами голову и, взрывая ногами землю, издает страшный рев... Длинный хвост его то вытягивается копьём, то колотит бока разъяренного животного... Бык, видимо, взбесился... Вот-вот он ринется на фараона и поднимет его на рога или выпустит царственные кишки...

Крик ужаса вырвался из уст сотысячной или миллионной толпы...

Великий бог гневен!.. О, горе, горе Египту!.. Гапи растерзает фараона!.. О великая Изида!

Аменхотеп, пораженный неожиданным бешенством священного быка, схватился было за меч, но эрисы мгновенно закрыли его собой.

Бык остановился, но продолжал реветь и рыть землю ногами. Вопли народа усиливались.

– Конец света! Конец бытию!.. О великие боги! – слышались истерические рыдания женщин.

Тогда выступил верховный жрец Фив и, приблизившись к разъяренному быку, стал кадить перед самой мордой Аписа благовонными курениями «священной земли Пунт», дым которых так ненавидело боготворимое животное.

Алис был побежден. Не вынося противного дыма, он с видимой досадой повернулся и, задрвав хвост, стремительно бросился к своему храму, в апиэум – в свое роскошное стойло, украшенное художественной резьбой по черному и красному дереву, с вкрапленными в него золотыми пчелами и жуками-скарабеями.

В душе Аменхотепа кипела злоба. Он видел себя посрамленным на глазах своих подданных – всего своего войска и народа, которого в одних Фивах насчитывалось более двух миллионов.

Ужас объял население стовратной столицы Египта, а тысячеустая молва разнесла этот ужас далеко за «тропики Рака», с одной стороны, и до «Великих зеленых вод» – с другой. И от Аменхотепа отшатнулось большинство его подданных.

– Отринут богами за неверие, – боязливо шептались они и в переходах дворцов фараона, и в бедных хижинах, ожидая для страны великих бедствий.

В тот же вечер Аменхотепу доложили, что его желает видеть «учитель тайн неба» – жрец-астроном Мерира, чтобы сообщить царю «великую весть». Фараон тотчас же принял его.

– Сердцу великого фараона, земному солнцу – да светит он вечно над Египтом! – нанесена сегодня тяжкая рана злым умыслом служителей божества, – таинственно проговорил пришедший. – Они, ведая, что глаза великого Гапи, быка по плоти, не выносят цвета пурпура, с затаенною злобою поднесли тебе, о Аменхотеп, этот пурпур для облачения – и при виде его на тебе в сердце Гапи вселилось бешенство... Теперь недостойные слуги божества смеются над тобой из глубины гортаней своих.

Аменхотеп понял все. Быки действительно не выносят красного цвета. Жрецы с умыслом осрамили нелюбимого фараона-вольнодумца перед народом и войском.

Аменхотеп принял вызов, брошенный ему в лицо жрецами: это был исторический вызов от всего старого Египта, от всех предшествовавших поколений жрецов и фараонов всех восемнадцати династий... На Аменхотепа глядели теперь, как впоследствии, через четыре с половиной тысячелетия, глядели на дерзкого белолицего завоевателя с высоты пирамид не сорок, а более сорока веков.

Подобно другому царю – царю великой северной державы, которому, через сорок пять веков после Аменхотепа, старое царство, в лице своих бояр и стрельцов, бросило свой вызов бородами и кафтанами и который, приняв вызов, обрезал эти бороды и полы кафтанов, а потом покинул и свою старую, постылую столицу и основал новую, с окном в Европу, – подобно, повторяю, этому северному царю, Аменхотеп бросил свои стовратные, постылые Фивы и заложил новую столицу в самом сердце оскорбившего его Египта. Он отбросил от себя даже свое историческое имя – наследие отцов – и назвал себя новым именем, по имени нового божества, которому научила его поклоняться мать, царица Ти. Божество это – единая созидающая сила – Атен: творческая сила солнца. Новое имя Аменхотепа – Хун-Атен.

И вот камни говорят:

«И разослал фараон повеление, чтобы созваны были все строители, начиная от верхнего рубежа Египта до нижнего, до «Великих зеленых вод», и все жрецы, начальники и вожди народа – для производства великой ломки крепкого камня на сооружение новой великой столицы во имя светового бога, жизнь дающего солнечного диска». И превратились великие и знатные господа – жрецы и носящие опахала фараона – в надсмотрщиков ломки и погрузки на корабли камней.

Какое посрамление! Еще более жесткое посрамление ожидало великого бога Аписа.

Но вот началась лихорадочная стройка новой столицы, которая тоже названа по имени божества – Ху-Атен. Город выросал не по дням, а по часам. Он расположен был на правой стороне Нила, ниже нынешнего Сиута, в местности, называемой ныне Тель-эль-Амарна. В самом центре новой столицы, на обширной площади, возвышался великий храм, а рядом с ним – величавый дворец фараона.

Когда город был готов, фараон-нигилист Хун-Атен велел созвать на площадь всех жрецов, сановников и народ. Войска построились шпалерами. Под дикие звуки музыки выходит из дворца фараон в полном царском облачении, осеняемый опахалами эрисов. Рядом с ним – скромный «учитель тайн неба», Мерира, открывший фараону проделки жрецов.

– Здесь, – торжественно возгласил фараон, обращаясь к Мерире, – я лично присутствую, чтобы возвысить тебя на звание верховного созерцателя солнечного диска в храме солнца города Ху-Атен. Да будешь ты таковым согласно желанию твоему, ибо ты был слугою моим, который был послушен новому учению. Никто, кроме тебя, сего не сделал. Сердце мое полно удовольствия. Потому даю тебе я это высокое звание, говоря: ешь от питания фараона, господина твоего, в храме солнца!

Потом он подозвал Аамеса, великого казнохранителя и хлебодара.

– Ты хранитель палаты серебра и золота! – сказал фараон. – Награди созерцателя солнечного диска в городе Ху-Атен. Положи золотое драгоценное ожерелье на шею его кругом. Положи золото к ногам его, ибо он был послушен новому учению фараона во всем, что было говорено, – в отношении этих прекрасных мест, устроенных фараоном, – в палате пирамиды, в солнечном храме солнечного диска, в городе Ху-Атен. Наполнен да будет всеми хорошими предметами, многим зерновым хлебом и полбою солнечный алтарь солнечного диска.

Затем, окруженная юными сверстницами, приближается к фараону прелестная девочка «с розами на ланитах» и с цветком лотоса в черных, как вороново крыло, волосах. В одной руке у нее маленький снопок свежей, сочной пшеницы, а в другой – золотой серп. Это старшенькая дочка фараона, Ми-Атен.

Тогда по знаку фараона расступается одна колонна воинов, и за нею открывается небольшой каменный бассейн с приспособлением для поливки тут же находящегося цветника лотосов. Вслед за тем – о ужас! – показывается великий бог, с завязанными глазами!.. Но ужас толпы усугубляется, вырастает до воплей, до обморока верующих женщин!.. Ужас, ужас! За богом идет верховный жрец Фив и хлещет бичом по бокам бога – бога хлещет!.. Затем впря-

гает его в ярмо рычага водокачки и, подгоняя бичом, заставляет его двигать рычаг вокруг бассейна!.. Бог всего Египта накачивает воду для поливки цветов лотоса!.. Это ли не ужас!⁸

Довольно! Натешился оскорбленный фараон. Он подходит к Апису вместе с хорошенькою Ми-Атен и, взяв из ее ручек золотой серп, отрезает им несколько колосьев пшеницы. Верховный жрец между тем развязывает глаза наказанному богу... Апис изумлен, ошеломлен... Но перед его мордой сноп чудной пшеницы, а бог голоден, о как голоден!.. Его морили без пищи несколько дней, бедный бог!..

Лукавый фараон-нигилист протягивает ему колосья пшеницы. Апис бросается на них с жадностью... К его божественной морде подсовывают весь сноп... О, радость! Он жадно, жадно ест...

– О! – пронесся восторг в толпе египтян и преимущественно египтянок. – Великий Гапи принял жертву! Принял! Слава фараону! Слава!

Так отомстил свой позор фараон-нигилист.

В заключение скажу, что у фараона-нигилиста было восемь дочерей и ни одного сына. И все восемь дочерей были нигилистки – первые нигилистки в мире, прародительницы наших недоброй памяти нигилисточек...

Но о них – до следующего рассказа: камни, собственно скалы Тель-эль-Амарна, сохранили для нас и их деяния, и их портреты.

---

⁸ Теперь, когда вы проезжаете по Египту вдоль долины Нила, то постоянно можете видеть, как быки, потомки богов Аписов, с завязанными глазами кружатся около бассейнов, двигая рычаги водокачек. – Д. М.

Х

Царевны-нигилистки

В предыдущем рассказе «Фараон-еретик» я упомянул, что у этого фараона, Аменхотепа IV Хун-Атена, было восемь дочерей. Камни сохранили нам не только их имена, но и портреты их и их отца и матери. Вот как их звали: Ми-Атен, уже знакомая нам из предыдущего рассказа, если читатель не забыл, что эта девочка держала сноп пшеницы, когда ее отец подвергал публичному поруганию бога Аписа. Имена остальных царевен были следующие: Мак-Атен, Нофру-Атен, Бек-Атен, Тошера, Нофрура, Сотепенра и самая младшенькая – Анхнес-Атен.

Я сказал, что камни сохранили нам их портреты. Действительно, среди ужасающих развалин столицы фараона-еретика, города Ху-Атен, в местности Тель-эль-Амарна, на гранитных стенах гробничных палат царской усыпальницы семейства Аменхотепа IV сохранилась картина, в самом идиллическом жанре изображающая семейную жизнь этого фараона.

«Судя по оставшимся в гробницах, за городом, в скалах, картинам, – говорит историк фараонов, – Хун-Атен жил весьма счастливой жизнью в кругу своей семьи. Окруженный дочерьми своими и вместе с женою своею, он изображен на балконе своего дворца, причем дочери его, царевны, бросают собравшейся внизу толпе подарки, тогда как мать их, супруга фараона, держит на коленях младшую дочку, маленькую царевну Анхнес-Атен. По-видимому, Аменхотеп IV утешался среди привязанностей семьи и находил в ней и в религиозном чувстве к своему божеству достаточное удовлетворение взамен потери привязанности к нему святых отцов и значительной части своих подданных».

Разве это не идиллия, и притом глубочайшей древности!

По поводу другой картины на тех же гранитных стенах историк говорит: «Мы видим, что в спокойном счастье своей семьи принимала участие и царица-мать, престарелая Ти, бабушка царевен, которую мы видим на изображении разговаривающею со своим сыном, фараоном, и его женой в зале царского дворца».

В другом месте, на высокой скале, картина изображает царя и царицу, которые молитвенно воздымают руки к солнечному диску, изливающему на них лучи свои. Тут же изображены и старшие царевны, Ми, или Мери-Атен, и Мак-Атен. В то время, вероятно, у Аменхотепа не было еще прочих шести дочерей. Между прочим, фараон обращается к божеству с такою клятвою: «Сладкая любовь наполняет сердце мое к царице, к ее юным детям. Даруй высокую старость царице Ноффи-Ти, да держит она многие годы руку фараона. Даруй высокую старость царской дочери Мери-Атен и царской дочери Мак-Атен и детям их: да держат они руку царицы, матери их, всегда и вечно. В чем, я клянусь, есть истинное сознание того, что говорит мне сердце мое. Нет никогда лжи в том, что я говорю».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.